

Школа на краю земли

«Для разрешения конфликтов в Афганистане Грег Мортенсон выбрал свое оружие – книги, тетради, карандаши...»
ХАЛҚА ХОССЕЙНИ

RUE STORY
ГРЕГ
МОРТЕНСОН

ОТ АВТОРА ТРИ ЧАШКИ ЧАЯ

БЕСТСЕЛЛЕРА

Грег Мортенсон
Школа на краю земли
Серия «Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8228986
Мортенсон, Грег. Школа на краю земли: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74826-6

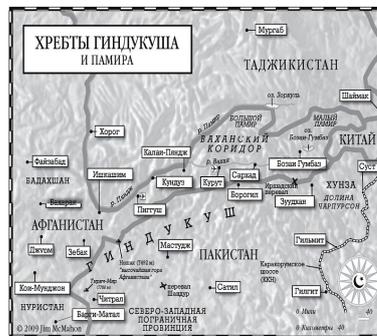
Аннотация

Продолжение мирового бестселлера со скандальной репутацией «Три чашки чая». Грег Мортенсон, чудаковатый альпинист-неудачник, построивший несколько школ в Афганистане и Пакистане, продолжает свою непростую миссию, проникая в самые глухие и отрезанные от цивилизации районы. Грег еще больше раскрывает психологию местного населения, основное внимание уделяя девочкам и молодым женщинам, которые готовы рискнуть всем, что у них есть, чтобы сломать стереотипы, получить образование и реализовать себя.

В мире книги Мортенсона разошлись тиражом более 7 000 000 экземпляров, в России – более 80 000 экземпляров, а сам Грег был удостоен множества премий и наград.

Содержание

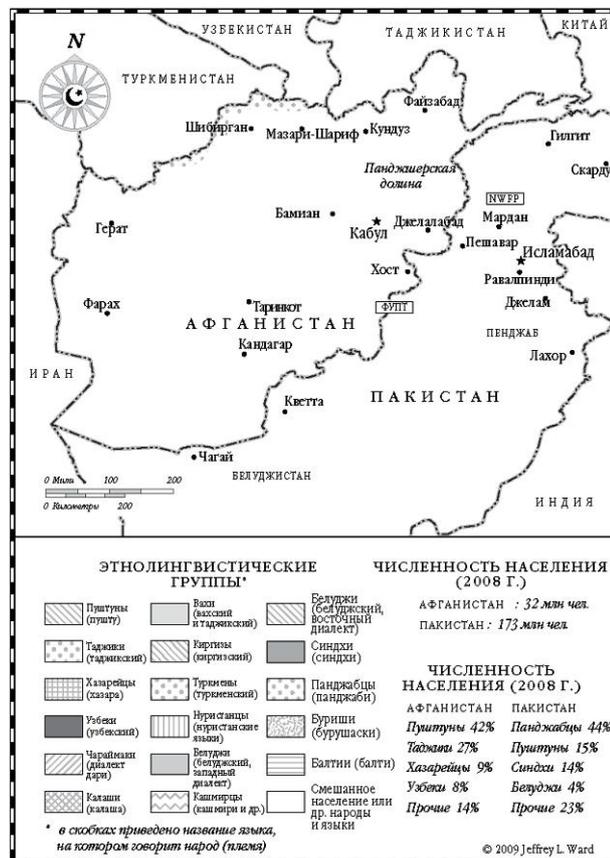
Кто есть кто	7
Предисловие Халеда Хоссейни[2]	9
Введение	11
Часть I	22
Пролог	22
Глава 1	24
Глава 2	34
Глава 3	42
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Провинции Афганистана и федерально управляемые племенные территории

Этническая карта Пакистана и Афганистана

Кто есть кто

Али, Джахан – внучка Хаджи Али. Одна из первых выпускниц и стипендиаток ИЦА¹.

Али, Нияз – духовный лидер киргизов в Вахане (Афганистан).

Али, Туаа – сын Хаджи Али и отец Джахан, живущий в деревне Корфе (Пакистан).

Али, Хаджи – первый наставник Грега Мортенсона, вождь деревни Корфе (Пакистан).

Скончался в 2001 г.

Аль-Завахири, Айман – египтянин, врач, второй человек в «Аль-Каиде».

Байг, Назрин – стипендиатка ИЦА из долины Чарпурсон (Пакистан), прошедшая обучение на акушерских курсах.

Байг, Фейсал – старейшина племени вахи из долины Чарпурсон (Пакистан), отвечающий в ИЦА за безопасность.

Байг, Сайдулла – представитель ИЦА в долине Чарпурсон (Пакистан)

Бен Ладен, Усама – уроженец Саудовской Аравии, руководитель «Аль-Каиды», убит в мае 2011 года.

Бишоп, Тара – жена Грега Мортенсона, психотерапевт.

Бои, Таши – вождь деревни Сархад в Ваханском коридоре (Афганистан).

Гхани, Ашраф – доктор наук, бывший министр образования Афганистана.

Гульмарджан – подросток, подорвавшийся на противопехотной mine в 2004 году в возрасте четырнадцати лет во время строительства школы в деревне Лаландер.

Дустум, Рашид – генерал, узбекский этнический лидер, контролирует область с центром в Мазари-Шарифе (Афганистан).

Ибрагим, Хаджи Мохаммад – глава *шуры* (совета старейшин) провинции Урузган (Пакистан).

Карзай, Хамид – президент Афганистана.

Карими, Вакил – представитель ИЦА в Афганистане.

Коленда, Кристофер – полковник, бывший командир передовой операционной базы Нари, ныне ведущий военный специалист по стратегическому планированию операций войск США в Афганистане.

Лейтингер, Кристиана – директор программы Pennies for Peace.

Маккристал, Стэнли – генерал-майор, командующий *Международными силами содействия безопасности* и войсками США в Афганистане.

Масуд, Ахмад Шах – этнический таджик, полевой командир, прозванный Панджшерским львом за свои заслуги в борьбе с советскими войсками. Убит агентами «Аль-Каиды» 9 сентября 2001 года.

Минас, Сулейман – координатор проектов ИЦА в провинции Пенджаб, живущий в Исламабаде. Бывший таксист.

Мирза, Ильяс – полковник, отставной пакистанский военный, генеральный директор гражданской чартерной авиакомпании «Аскари».

Мортенсон, Криста – младшая сестра Грега Мортенсона. Скончалась в 1992 г. в возрасте 23 лет.

Мортенсоны, Амира и Хайбер – дети Грега Мортенсона и Тары Бишоп.

Мортенсоны, Ирвин Демпси и Джерена – родители Грега Мортенсона.

Мохаммед, Мулла – бывший счетовод талибов, впоследствии бухгалтер ИЦА в Вахане.

Мугхал, Госия – ученица школы ИЦА из Азад Кашмира.

¹ ИЦА – Институт Центральной Азии.

Муллен, Майк – адмирал, председатель Объединенного комитета начальников штабов США.

Мушарраф, Первез – президент Пакистана с 1999 по 2008 г., бывший начальник штаба пакистанской армии.

Майетт, Майк – генерал-майор, бывший командующий экспедиционным корпусом морской пехоты, возглавлял высадку в Кувейте.

Наджибулла, Мохаммад – афганский коммунистический лидер, бывший президент. Убит талибами в 1996 г.

Николсон, Джейсон – майор, американский офицер, служащий в Пентагоне.

Олсон, Эрик – адмирал, руководитель частей особого назначения вооруженных сил США, принадлежащих к разным родам войск. Он и его жена Мерилин горячо ратуют за женское образование. Адмирал познакомил Мортенсона со многими американскими высшими военными чинами.

Омар, Мулла – племенной вождь афганских пуштунов, лидер талибана. Возможно, скрывается в Кветте (Пакистан).

Парви, Хаджи Гулям – представитель ИЦА в Пакистане, выполняющий и обязанности бухгалтера. Под его руководством возведено более пятидесяти школ.

Петреус, Дэвид – генерал, руководитель Центрального командования. Впервые узнал о «Трех чашках чая» от своей жены Холли.

Разак, Абдулла (прозвище – Апо, т. е. «старик») – работал наемным поваром в альпинистских экспедициях. Старейший сотрудник ИЦА.

Рахман, Абдулла – афганец, бывший сторож в библиотеке военного госпиталя, работает в ИЦА водителем.

Сайпс, Дженифер – исполнительный директор ИЦА, живет и работает в Монтане.

Сен, Амартия – лауреат Нобелевской премии 1998 года по экономике.

Хан, Абдул Рашид – *амир* (лидер) племени киргизов в Ваханском коридоре (Афганистан).

Хан Вохид – командир сил безопасности (Афганистан).

Хан Садхар – лидер таджиков в Бадахшане. Первым в регионе оказал поддержку ИЦА.

Хан Сарфраз – менеджер ИЦА, отвечающий за отдаленные территории.

Хан, Шах Исмаил – *мур* (старейшина) племени вахи (Афганистан).

Хусейн, Азиза – первый акушер в долине Чарпурсон (Пакистан).

Хоссейни, Халед – врач, филантроп, автор бестселлеров «Бегущий за ветром» и «Тысяча сияющих солнц».

Чаудри, Шарукат Али – бывший участник движения талибан, ныне работает учителем в женской школе в Азад Кашмире (Пакистан).

Чэбот, Даг – альпинист, специалист по лавинам, доброволец ИЦА.

Чэбот, Женевьева – руководитель программ ИЦА по предоставлению стипендий, замужем за Дагом Чэботом.

Шабир, Саида – директор женской школы «Гунди Пиран» в Патике (провинция Азад Кашмир, Пакистан), разрушенной землетрясением 2005 г.

Шах Захир – король Афганистана, бежавший в Италию в 1973 г. Вернулся на родину после событий 11 сентября 2001 г. Скончался в 2007 г.

Эрни, Жан – создатель кремниевого транзистора, вместе с Грегом Мортенсоном основал ИЦА. Скончался в 1997 г.

Предисловие Халеда Хоссейни²

Беспорядочная война в Афганистане идет уже девятый год. Она стала одной из самых серьезных внешнеполитических проблем из тех, с которыми пришлось столкнуться президенту Обаме.

В то время как конфликты в регионе то угасали, то разгорались вновь, уважаемые аналитики, гиганты мысли, в том числе из Атлантического совета, публиковали отчеты, в одном из которых Афганистан назван государством, находящимся в плачевном положении. Страна действительно борется с бесчисленными трудностями: все новые вспышки мятежей не дают действовать закону и сводят на нет усилия, предпринимаемые для установления стабильности и стимулирования поступательного развития. Расширяются маковые плантации, народ живет в страшной бедности, увеличивается количество бездомных и безработных, растет преступность. Многие люди не имеют доступа к чистой питьевой воде. Положение женщин, не менявшееся в течение столетий, остается тяжелым. Правительство изо всех сил пытается выправить ситуацию, защитить граждан и хотя бы минимально наладить быт.

Однако в современной истории Афганистана, истории «после 11 сентября», есть и светлые моменты. Наиболее значимые перемены к лучшему можно отыскать в сфере образования. А если мы разделяем точку зрения, что доступность образования – это ключевой фактор для достижения долгосрочных позитивных изменений в жизни страны, то результаты покажутся нам еще более вдохновляющими. В этом году более восьми с половиной миллионов детей сядут за парты афганских школ, причем около 40 % от этого количества составляют девочки.

Такая статистика согревает душу Грега Мортенсона, инициатора строительства 145 школ в Афганистане и Пакистане. В них учится почти 64000 детей. Мортенсон как никто умеет понять ценность и значение образования, полученного даже одним-единственным ребенком. Рискну утверждать: ни один человек и ни одна организация не представила Америку афганцам лучше, чем этот мягкий и обходительный человек с приятной улыбкой и теплым рукопожатием. Он показал военным, как правильно проводить операции и завоевывать сердца и умы.

Философия Грега проста. Он искренне верит, что с конфликтами в Афганистане невозможно справиться одними военными действиями и бомбардировками. Настоящее оружие, способное потушить пламя войны, – это книги, тетради, карандаши. Они станут фундаментом будущего социально-экономического благосостояния страны. Перекрыть детям доступ к образованию, считает Грег, значит лишить Афганистан будущего, на корню задуть надежды на то, что страна придет к мирному труду и процветанию. Вопреки объявленным ему фетвам (религиозный запрет, порицание. – *Ред.*), вопреки угрозам талибов и других экстремистов, он делал все, что в его силах, чтобы Афганистан имел перспективу мирной и стабильной жизни.

Особенно важно то, что он первым стал бороться за предоставление права на образование девочкам и молодым женщинам. Непросто было отстаивать такую позицию в стране, где в общем-то не принято посылать дочерей в школу и где женщина всегда была лишена возможности учиться в силу давно и прочно укоренившихся обычаев. Но Грег не опускал руки, посещал одну деревню за другой, налаживал контакты с духовными лидерами и старейшинами, которые впоследствии помогали ему убедить семьи, что девочкам необходимо учиться. Мортенсон делал это, потому что он, как и я, полагает: без полноценного вовлечения женщин в процесс налаживания жизни в Афганистане этот процесс обречен на провал.

² Халед Хоссейни – автор бестселлеров «Бегущий за ветром» и «Тысяча сияющих солнц».

А чтобы женщины могли участвовать в нем, им надо предоставить возможность учиться. Женское образование должно стать одним из краеугольных камней в национальном возрождении, созидании и развитии. Грег повторяет снова и снова, как мантру: «Обучая мальчика, вы даете образование личности; обучая девочку – многим людям».

И, наконец, нельзя не отметить располагающей манеры Грега в общении с людьми, не покидающего его терпения и гуманизма. Он умеет слушать, умеет наладить отношения со старейшинами селений, внушить им доверие и уважение к себе. Он умеет вовлекать в строительство их будущего собственными руками. Грег не пожалел времени на то, чтобы изучить культуру тех народов, с которыми общается, он всегда ценил свойственную им сдержанность, гостеприимство, уважение к старшим. Мортенсон сумел понять, какую роль в их жизни играет ислам. Неудивительно, что руководство вооруженных сил США привлекло его в качестве консультанта для ведения переговоров с вождями племен и старейшинами деревень. Им было чему поучиться у Грега, и нам всем есть что перенять у него.

Ташакор, спасибо, Грег-джан, за все, что ты делаешь.

Халед Хоссейни.

Июль 2010 г.

www.khaledhosseinifoundation.org

Введение

*Каждый лист дерева становится страницей Книги,
Если сердце человека открыто и обрело способность читать.*
Саади из Ширази

В сентябре 2008 года Назрин Байг, женщина с глазами пронзительно зеленого цвета, отправилась в долгое и трудное путешествие. Она покинула родную деревню Зуудхан и двинулась на юг вдоль реки Инд, а затем по Каракорумскому шоссе к шумному городу Равалпинди. Дорога заняла три дня – сначала шли пешком, потом ехали на лошади, на джипе и автобусе. Так Назрин, ее муж и трое маленьких детей добрались из долины Чарпурсон, самого северного, малонаселенного района Пакистана, в центр Пенджаба, где проживает более 85 миллионов человек. Почти все вещи этой семьи, включая Коран, уместились в перевязанном бечевкой черном чемодане. Отдельно нести пришлось лишь нескольких сельскохозяйственных инструментов. Помимо чемодана, семья Байг везла большой бесформенный мешок из дерюги, в котором лежала немногочисленная одежда – фактически одна жалкая смена той, что была надета. Этот клубок мятой ткани, в котором перепутались рукава, штанины, носки, чем-то походил на сложную и запутанную судьбу нашей героини.

В 1984 году, в возрасте пяти лет, Назрин начала ходить в одну из первых в северном Пакистане школ, в которой вместе занимались мальчики и девочки. Это заведение было необычным для страны, где традиционно считается, что женщине ни к чему учиться чтению и письму.

Назрин отлично училась и вскоре стала одной из лучших учениц в школе. Однако в 1992-м, когда ее мать внезапно умерла от пневмонии, девочке пришлось срочно вернуться домой, чтобы ухаживать за слепым отцом Султаном Мехмудом, а также за младшими братьями и сестрами. Через некоторое время отец снова женился.

Мачеха Назрин считала, что образование девушке вряд ли пригодится, и наказывала юную падчерицу, пытавшуюся самостоятельно продолжать учебу ночью при свете керосиновой лампы.

«Женщине надо работать, а не книжки читать, – возмущалась мачеха. – Книги отравят тебе мозги, и ты станешь никудышной женой и матерью!»

Но Назрин придерживалась другого мнения. Еще учась в школе, она начала вынашивать довольно смелую, учитывая ее жизненные обстоятельства, мечту. Девушка хотела со временем стать профессиональной акушеркой. Как-то раз она видела женщин-врачей во время одной из организованных правительством диспансеризаций – мобильные группы медиков объезжали отдаленные деревни. Маленькая Назрин с радостью шла на прививки – возможность быть рядом с людьми в белых халатах и хоть немного пообщаться с ними приводила ее в восторг. «Запах антисептика, которым они пользовались, казался мне чудесным ароматом, – вспоминает она. – Я завидовала тому, что они умеют писать. Меня восхищало, как врачи аккуратными столбиками заносят в блокнот на пружинке все имена детей, рост и вес, информацию о вакцинации».

Вдохновленная своей мечтой, Назрин изо всех сил старалась продолжить учебу, несмотря на угрозы и недовольство мачехи. «Я возилась с братьями и сестрами, делала всю работу по хозяйству и только и ждала, когда все улягутся спать. Поздно ночью я садилась за книги», – рассказывает наша героиня.

Так продолжалось до 1995 года. Ей исполнилось пятнадцать лет, и, получив аттестат, Назрин стала одной из немногих девушек в округе Хунза на севере Пакистана, окончивших школу. То, что учителя признали ее способности, а также единственный на тысячи километров аттестат заставили вчерашнюю школьницу почувствовать себя увереннее. Она решила, что продолжит двигаться к своей цели.

В 1999 году Институт Центральной Азии назначил Назрин стипендию – 1200 долларов в год. Эти средства покрывали расходы на ее обучение, проживание и питание на время прохождения двухлетнего курса подготовки медперсонала для сельских районов. Получив такую квалификацию, Назрин смогла бы вернуться в родные края, но при этом оказывать медицинскую помощь не только в Зуудхане. Преодолев путь в пять километров на север, можно было бы найти нуждающихся во внимании пациенток и в Ваханском коридоре – отдаленном уголке Афганистана. Предки Назрин были выходцами оттуда.

Сейчас в Ваханском коридоре во время родов ежегодно умирает больше женщин, чем в любом другом месте на Земле.

Однако к тому моменту, когда ей была предложена стипендия, Назрин уже была обручена с симпатичным, но ленивым молодым человеком из соседней деревни. Ее свекровь, Биби Нисса, опасалась, что учеба помешает невестке вести хозяйство. Она обратилась за решением вопроса к *танзину* – совету старейшин Зуудхана, который решает все споры, возникающие между местными жителями. Совет принял сторону Биби и велел девушке отказаться от предложения ИЦА, несмотря на то что во всей долине Чарпурсон не было больше никого, кто мог бы стать медиком и работать на благо местных жителей. Тем самым соплеменники обрекли нашу героиню на почти рабское существование, которое остается участью многих способных женщин, живущих в отдаленных поселках Пакистана и Афганистана.

Последующие десять лет Назрин много и тяжело трудилась: по двенадцать-шестнадцать часов в день она ухаживала за козами и овцами, пасла их в горах, обрабатывала принадлежащие семье картофельные поля, носила воду в огромных металлических бидонах, перетаскивала тяжелые вязанки дров и мешки с ячьем навозом – в Зуудхане его используют для обогрева во время дряхлеющей полгода зимы. Она родила троих детей и пережила два выкидыша, не получая при этом никакой акушерской помощи.

Несмотря на тяготы и разочарования, преследовавшие ее на протяжении всей жизни, Назрин терпеливо переживала период испытаний. Более того, в немногие часы досуга она возвращалась к своей мечте о медицинской карьере. Она выхаживала больных, пожилых, умирающих в своей деревне. «Тот огонь, который жил во мне, не желал гаснуть, – говорит она. – Бог не позволяет иссякнуть топливу, питающему надежду».

В 2007 году состав *танзина* Зуудхана сменился, и новые старейшины изменили решение предшественников. Назрин провела год в городе Гилгите, где прошла подготовительный курс, восстановивший и пополнивший утраченные за годы вынужденного простоя знания. В 2008 году наша героиня получила наконец стипендию и смогла отправиться в Равалпинди, чтобы освоить желанную профессию.

Сейчас уже минул год с тех пор, как она окончила медицинские курсы, но Назрин решила продолжить образование, чтобы получить полноценную квалификацию гинекологической медсестры. К 2012 году она планирует переехать с семьей в Ваханский округ и оказывать медицинскую помощь остро нуждающимся в ней жителям одного из самых изолированных районов земли. Что до «потерянных лет», Назрин не испытывает горечи, вспоминая о них. В это время она тоже многому научилась, приобрела ценный опыт. «Аллах научил меня терпению, а также дал мне по-настоящему понять, что значит жить в нищете, – говорит она. – И я не жалею о прошлом, то есть о времени ожидания».

* * *

В то самое время, когда Назрин с семейством направлялась по Каракорумскому шоссе в Равалпинди, я посетил небольшой американский городок Дуранго в самом сердце Скалистых гор. Этот визит мало чем отличался от других ста двадцати и более поездок по городам США, которые я совершал каждый год, рассказывая о том, как американцы могут помочь сделать образование более доступным для афганских и пакистанских женщин, таких как Назрин. С моей «извращенной» точки зрения (я привык быть предельно загруженным), программа визита была малонасыщенной и в целом, а этот день, 18 сентября 2008 года, казался мне совершенно спокойным и обычным.

В предшествующие недели я семнадцать раз выступал в школах, церквях, в библиотеках девяти городов. А на три часа ночи следующего дня у меня был назначен перелет на частном самолете из Дуранго в следующее место выступления – детский миротворческий лагерь в Рокфорде, штат Иллинойс. За этим должно было последовать еще восемнадцать лекций в еще восьми городах, а шестого октября мне следовало вернуться в Пакистан. Перед этим надо было еще как-то выкроить день отдыха и провести его с семьей.

Однако со многих других точек зрения 18 сентября все же был совсем не обычным днем. В минувшие выходные при попустительстве правительства США инвестиционная компания Lehman Brothers объявила о своем банкротстве. Власти не позволили страховому гиганту AIG спасти ситуацию путем покупки терпящей бедствие фирмы за 85 миллиардов долларов. К моменту окончания биржевых торгов в тот день индекс Dow Jones пребывал в состоянии свободного падения. Вся финансовая система Соединенных Штатов, казалось, рушилась на глазах. Короче говоря, трудно было выбрать менее подходящее время для того, чтобы обратиться к американцам с просьбой о пожертвованиях.

Может, и хорошо, что напряженный график поездок просто не позволил мне задуматься о том, насколько абсурдно то, что я делаю. К семи вечера, после шести следовавших одна за другой лекций, я пересек студенческий кампус колледжа Форт-Льюис и направился в спортзал, где более четырех тысяч человек (почти треть всего населения города) образовали очередь невероятной длины. Сотруднику противопожарной службы пришлось насильно закрыть двери, когда «за бортом» оставалось еще триста человек, желавших попасть внутрь. Позже кто-то сказал мне, что Дуранго ни разу не видел такого столпотворения с тех пор, как город в последний раз посетил знаменитый исполнитель кантри Уилли Нельсон.

Мои публичные речи сильно варьируются в зависимости от аудитории. Но я всегда начинаю их со слов *ас-салям аалеЙкум*. Это исламское приветствие буквально означает «мир вам всем». И еще: куда бы ни увел меня ход дискуссии, я никогда не забываю рассказать историю одного обещания.

Все началась в 1993 году, когда я попытался покорить горную вершину K2, вторую по высоте на земном шаре. Восхождение окончилось тем, что мне пришлось повернуть назад, не дойдя до победного конца 600 метров. Я вернулся в базовый лагерь, а затем, спускаясь вниз по более чем 60-километровому леднику Балторо, заблудился и набрел на небольшую деревушку Корфе.

Корфе – это настолько заброшенное и отдаленное место, что один из каждых трех рождающихся детей погибает до года, не получая медицинской помощи.

Здесь меня приютили, накормили, напоили чаем, дали отдохнуть. И именно когда я уже восстановился после тяжелого перехода, на глаза мне попались восемьдесят детей, сидящих

на ветру и делающих уроки. Они писали палочками прямо на земле без всякого учительского присмотра. Одна из учениц, девочка по имени Чочо, завела со мной беседу. И как-то так получилось, что я пообещал вернуться и построить здесь школу.

Чтобы выполнить это обещание, мне пришлось напряженно работать в больнице в Беркли, где я был медбратом, продать машину, все альпинистское снаряжение и книги. Но и этого не хватило, чтобы собрать необходимую сумму. Но я, заплутавший альпинист, понял, что неожиданно нашел свое призвание в жизни. И это призвание состоит в том, чтобы сделать образование доступным для детей мусульман, живущих в беднейших деревнях западных Гималаев.

Несколько лет назад я рассказал эту историю в книге «Три чашки чая». Те, кто прочитал ее целиком, подтвердят, что за несколько лет после моего первого появления в Корфе произошло множество удивительных событий. Все случившееся удивляет меня самого: для меня это хроника жизни обычного человека, попавшего в необычную обстановку.

Думая об этом, я осознаю, что так и остался заблудившимся в горах парнем, так, в общем, и не сумевшим в полном смысле слова вернуться домой. Изнутри ситуации, если можно так выразиться, я себя вижу человеком, который просто помог местному населению соорудить школу площадью 200 квадратных метров – здание без канализации и электричества, стоящее посреди далекой деревни на высоте трех с лишним километров. В мире, где полно отважных мечтателей, выдвигающих рискованные и амбициозные проекты, трудно представить себе более скромную цель. Такое неприметное начало, возможно, объяснит, почему я по сей день поражен и озадачен тем, что произошло потом.

Мои коллеги подсчитали, что в течение последних трех лет я выступал около 680 раз в более чем 270 городах от Майами до Лос-Анджелеса, от Анкориджа до Шреверпорта. Но, несмотря на большой опыт выступлений, каждый раз, прибывая в новое место, я поражаюсь тому, как много людей жаждут услышать мои рассказы. Когда прошлым летом организаторы моей лекции в Северо-восточном университете в Бостоне узнали, сколько человек хотели послушать об открытии школ в Пакистане и Афганистане, они арендовали огромный хоккейный стадион, который заполнили 5600 зрителей. Недели позже на баскетбольной арене в Мерфрисборо, штат Теннесси, собралось 9500 человек, и мою речь пришлось показывать на огромном экране.

Удивительно, неужели я тот самый парень, который когда-то был счастлив, что его слушает несколько скучающих посетителей магазинов одежды Patagonia и REI outlet? Больше, чем размер нынешней аудитории, меня, пожалуй, поражает ее искренняя заинтересованность.

Нередко люди проделывают путь в шесть, а то и в двенадцать часов, чтобы послушать мое выступление, а затем еще два часа стоят в очереди просто ради того, чтобы получить автограф на обложке книги «Три чашки чая».

Однако самым фантастическим я все-таки считаю то, что произошло в Дуранго тем сентябрьским днем 2008 года, о котором я рассказал чуть раньше.

Вечером того дня Бен Бернанке, глава Федеральной резервной системы, проинформировал членов *комитета по финансовым услугам палаты представителей конгресса США*, что состояние мировой экономики угрожающее и со дня на день может начаться обвал рынков. А в это время жители Дуранго, городка с населением 16 007 человек, передали Институту Центральной Азии чеки на общую сумму около 125 000 долларов. Джордж Бедкер, основатель обувного производства под маркой Crocs, пожертвовал пятьдесят тысяч.

Остальные деньги были пожертвованы обычными людьми, частными лицами, далекими от того, чтобы создавать собственные торговые марки и управлять большими корпорациями. Это домохозяйки, фермеры, продавцы, механики, студенты, учителя, сантехники, секретари, медсестры, пенсионеры. Это люди, которые знают цену копейке, которые во многом себя ограничивают и живут скромно, а не на широкую ногу. То есть самые обычные, ничем не примечательные люди, такие, как вы и я.

На мой взгляд, это само по себе что-то да значит. Но дальше – больше.

Вряд ли кто-то из присутствующих в тот день на презентации в Дуранго когда-либо бывал в Пакистане или Афганистане. Возможно, среди моих слушателей были мусульмане, но это лишь единицы. И маловероятно, что хоть один из этих людей сможет когда-либо увидеть своими глазами школы, книги, карандаши, учительскую зарплату – то есть все то, на что пойдут их деньги. Тем не менее они распахнули свои сердца навстречу моей просьбе и пожертвовали средства на наши проекты. Когда набирал обороты самый масштабный кризис со времен Великой депрессии и многие лидеры призывали нас действовать взвешенно и разумно, просчитывая все возможные риски, жители маленького городка в Колорадо ответили на призыв о помощи с той же готовностью, что и люди во многих других американских городках, где я побывал с начала всей этой эпопеи.

«Когда вы будете отдавать эти деньги ребятам на другом конце света, – говорил мне со слезами на глазах один местный бизнесмен, – просто скажите им, что средства собраны в маленьком городе среди гор Колорадо именно для того, чтобы их дочери могли пойти в школу».

И вот что вызывает у меня постоянное недоумение. Почему так много американцев искренне переживают за судьбу людей, живущих очень далеко от них? Мировые катаклизмы следуют один за другим, и почему гнев и страх уходят прочь, уступая место милосердию? И что такого привлекательного кроется в обещании дать детям, особенно девочкам, образование? Каким образом такая перспектива постоянно и зримо пробуждает все самое лучшее в нас?

* * *

Я застенчив, неловок, меня легко смутить, и к тому же я безнадежный интроверт. Говорю я тихо и нескладно, не люблю выступать перед большой аудиторией и позировать фотографам. А еще я терпеть не могу просить у людей деньги. Я мечтаю об уединенной жизни в тишине и покое и питаю отвращение к любым действиям, которые привлекают внимание окружающих. Даже эти страницы дались мне непросто: потребовались невероятные усилия моей жены Тары и редактора Пола Словака, чтобы заставить меня писать от первого лица. Это абсолютно не свойственный мне подход! Помню, что в детстве я категорически не желал играть никаких ролей в рождественских спектаклях, кроме бессловесных вола и осла.

Учитывая все сказанное, можно представить себе, каково мне было все последние несколько лет произносить речи, продвигать общественные проекты и собирать на них средства. Из-за всего этого я чувствую себя человеком, который постоянно занимается не своим делом, вступая в сговор с непознанной стороной своей души. Политикам и звездам шоу-бизнеса свойственен такой стиль жизни – бесконечные похлопывания по плечу, прогулки под руку, постоянное общение. Для них вести себя так и жить у всех на виду – просто, как дышать. У меня же появляется острое чувство дискомфорта, отчасти потому, что все это не вяжется с моим внутренним представлением о «приличном» поведении. Я чувствую себя неловко под взглядами окружающих. Все это говорится для того, чтобы дать понять: неожиданный бурный успех книги «Три чашки чая», во всяком случае для меня, не так уж радостен и вызывает горькую усмешку.

Эти строки я пишу летом 2009 года, а «Три чашки» по-прежнему, уже 130-ю неделю, держатся в рейтинге бестселлеров среди публицистических произведений, по версии газеты New York Times. Уже продано три миллиона ее экземпляров. Книгу издают по всему миру – более чем в трех десятках стран. Следствие такого успеха – растущий общественный интерес к моей персоне. Всеобщее внимание для меня просто невыносимо, но в то же время оно открыло перед нами новые, невиданные доселе возможности.

Даже небольшие суммы в твердой западной валюте способны творить чудеса во многих отдаленных уголках планеты, где люди живут за чертой бедности. В некоторых районах западных Гималаев двадцати долларов достаточно, чтобы оплачивать обучение первоклассника в течение целого года, трехсот сорока долларов хватит, чтобы содержать в течение четырех лет старшеклассницу, а на 50 тысяч можно построить и оборудовать школьное здание с восемью классами и обеспечить зарплату учителям на первые пять лет. За время, прошедшее с момента выхода «Трех чашек чая», переданные жертвователями средства не только направлялись нами на строительство зданий, но и шли на финансирование обучающих программ для учителей, на стипендии, на организацию женских центров в глухих деревнях, расположенных в разных районах – от ледников Каракорума до открытых всем ветрам склонов Гиндукуша.

Мы не просто строим школы, но с помощью наших жертвователей выполняем гораздо более серьезную миссию – утверждаем важность и ценность женского образования. Исследования Всемирного банка доказывают, что всего *один* год обучения в начальной школе может в будущем обеспечить человеку повышение дохода на 10–20 % и выше. Пол Т. Шульц, экономист из Йельского университета, подсчитал, что чем больше времени девочка проведет в средней школе, тем большими будут плоды: с каждым годом учебы ее потенциальная зарплата прибавляет 15–25 %. Но усилия стоит прикладывать не только ради повышения доходов. Целый ряд исследований показывают: в сообществах, где девочки учились до пятого класса, через поколение детская смертность значительно снижалась. В то же время, как ни парадоксально, начальное женское образование приводит к замедлению темпов прироста населения: рост не прекращается, а становится более плавным. Ведь образованные девушки позже выходят замуж и заводят меньше детей, чем вообще не учившиеся в школе.

Эти выводы, которые, в частности, принадлежат нобелевскому лауреату индийскому экономисту Амартии Сену, сейчас приняты и поддержаны многими специалистами по развитию во всем мире. Ясное и краткое исследование на эту тему опубликовано Барбарой Херц и Джином Б. Сперлингом (Barbara Herz, Gene B. Sperling. *What Works in Girl's Education: Evidence and Policies in the Developing World*). Вкратце его суть можно изложить так: молодые женщины имеют огромный потенциал, способный изменить жизнь в развивающихся странах. Этот феномен ученые иногда называют «эффект девочек». А меня он заставляет вспомнить старую африканскую поговорку, которую я слышал еще в детстве, когда жил в Танзании:

«Обучая мальчика, вы даете образование одному человеку; обучая девочку – многим».

Научив единственную девочку читать и писать, мы получаем в результате целую цепочку позитивных изменений. Если применять военную терминологию, образование – это «фактор повышения эффективности». А в беднейших исламских странах эффект от распространения грамотности среди женщин может быть просто огромным.

Возьмем, к примеру, вопрос, который на Западе считают одним из наиболее острых. Арабское слово «джихад» используется для обозначения борьбы, связанной с самосовершенствованием личности, совершенствованием общества или победой над врагами ислама (понятно, что представлять себе этих врагов можно по-разному). Так или иначе, у мусульман

принято, чтобы человек, которого втянули в экстремистский кружок и поставили на путь насилия и терроризма, перед тем как вступить в фундаменталистскую организацию, просил благословения матери. Образованные женщины, как правило, своего разрешения не дают и стараются удерживать детей от такого шага. Например, после событий 11 сентября многие приверженцы покинули стан талибов и, чтобы пополнить свои ряды, талибану пришлось набирать новых сторонников в регионах с наиболее низким уровнем женской грамотности.

Конечно, образование не может служить стопроцентной гарантией того, что мать не благословит на джихад своего сына, и все же повышение грамотности поможет противостоять тем лжецам – а это исключительно мужчины, – которые задались целью убедить набираемых ими потенциальных боевиков, что Коран оправдывает убийство невинных людей. Хотя я и не являюсь специалистом в области изложенного в этой священной книге вероучения, многие мусульмане, богословы и духовные авторитеты не раз за последние шестнадцать лет уверяли меня, что убийство и самоубийство – два самых страшных греха с точки зрения ислама.

При этом необходимо четко обозначить: цель работы Института Центральной Азии вовсе не в том, чтобы разбирать вопросы вероучения. Мы хотим лишь помочь женщинам в сельских районах решить самые насущные проблемы, которые они сами формулируют так: «Мы не хотим, чтобы умирали младенцы. Мы хотим, чтобы наши дети имели возможность ходить в школу». Пытаясь помочь им, мы ни в коем случае не собираемся учить афганских и пакистанских детей думать и вести себя, как американцы. Наша задача – предоставить им возможность получить обычное, сбалансированное, неэкстремистское образование. И при этом стараемся следить здесь, чтобы обучение грамоте не превратилось в насаждение идеологии. Образование помогает человеку преодолеть нетерпимость, здраво смотреть на принятые в обществе догмы и принимать общечеловеческие гуманистические ценности. Идеология же учит его обратному.

Грамотных женщин в сельских провинциях Афганистана сегодня по-прежнему единицы. В деревнях Пакистана уровень грамотности среди женщин чуть выше, но цифры отличаются незначительно. Потребность в учителях, учебниках, партах, досках, тетрадях, школьной форме, бумаге и карандашах огромна, и здесь американцы способны оказать реальную помощь, инвестируя в «интеллектуальную инфраструктуру». Никакие из событий, произошедших со времени моей неудачной попытки восхождения на К2, включая то, что произошло 11 сентября 2001 года, не поколебали мое убеждение, что одним из главных двигателей развития Пакистана и Афганистана может стать женское образование.

Важность образования в формировании личности – это одна из тех фундаментальных ценностей, которую американские граждане различных вероисповеданий разделяют с мусульманами, живущими в разных частях света.

* * *

Когда журналисты пишут о достижениях Института Центральной Азии, они обычно приводят одни и те же цифры: снова и снова подчеркивают, что, потерпев фиаско на К2, я побывал в Пакистане и Афганистане тридцать девять раз. Они любят повторять, что ИЦА открыл 131 школу, не используя ни гроша из бюджета Соединенных Штатов. И что сейчас в этих школах обучается более 58 тысяч учеников, большинство из которых – девочки.

В этих статьях также подчеркивается, что моя «миссия» универсальна – она вне политики, находится за рамками религиозных течений и классовых предрассудков, объединяя самых разных последователей в США. В них говорится и о том, что среди поклонников книги «Три чашки чая» – Билл Клинтон, Лора и Барбара Буш, Джон Керри и Колин Пауэлл, а также видные военные, такие как глава Центрального командования США генерал Дэвид

Петреус, начальник объединенного комитета штабов адмирал Майк Муллен, а также руководитель Командования специальных операций адмирал Эрик Олсон. Я горд тем, что офицером, проходящим подготовку в отделе контрразведки Пентагона, рекомендовано чтение «Трех чашек».

В каком-то смысле все эти цифры и факты могут быть полезны: если нет другой информации, они могут в общем и целом рассказать о том, что мы делаем и как общество воспринимает нашу работу. Но с моей личной точки зрения, такой «статистический» подход к оценке деятельности института неправильно расставляет акценты. Если и есть мерка, которой я бы мерил достижения ИЦА, то это не ежегодный объем пожертвований и не количество человек, прочитавших «Три чашки чая», и даже не количество построенных нами школ. На самом деле математика здесь ни при чем: по-настоящему важно лишь то, как образование меняет жизнь девочек. Их истории зажигают во мне огонь, который согревает и заставляет двигаться вперед. Именно вокруг этого строится вся моя работа.

Слава богу, есть множество таких замечательных историй.

Возьмем, к примеру, Джахан Али, чей дед Хаджи Али был *нурмадхаром* (вождем) деревни Корфе. Он стал моим самым главным наставником. В первый же день знакомства со мной в сентябре 1993 года Джахан заставила меня пообещать, что когда она закончит школу, мы пошлем ее на курсы акушерок. И через девять лет она с воодушевлением потребовала исполнения обещания. По окончании средней школы в Корфе девушка проходила дополнительное обучение на курсах административного управления. Тем временем ее отец в родной деревне пытался сговориться о свадьбе 23-летней Джахан. Благодаря полученному образованию за такую невесту предлагают выкуп уже не в пять, а в пятьдесят взрослых баранов. Однако Джахан не спешит вступать в брак – она планирует сначала возглавить администрацию деревни и баллотироваться в пакистанский парламент. «Я не выйду замуж, пока не достигну своей цели, – недавно сказала она мне. – *Инишала* (если будет на то воля Аллаха), я когда-нибудь стану суперледи».

Еще одна история – судьба Шакилы Хан, бывшей в рядах первых выпускниц построенной нами школы в Хуше. Эта деревня расположена южнее Корфе и находится у подножия горы Машербрум, одной из высочайших вершин мира. Сейчас Шакила завершает третий год обучения в медицинском центре Fatima Memorial Hospital в Лахоре. Она учится на отлично и, вероятно, станет первой получившей местное образование женщиной-врачом. В истории народа балти, насчитывающего около 300000 человек, это пока единственный случай. Девушке сейчас двадцать два года; в будущем она планирует вернуться в долину Хуше и оказывать медицинскую помощь своим соплеменникам. «У меня две основные задачи, – говорит Шакила, – бороться с женской смертностью при родах и с высокой смертностью детей первого года жизни».

И, наконец, еще одна история – Азизы Хусейн, выросшей в долине Хунза, неподалеку от того места, где Каракорумское шоссе пересекает границу Пакистана и Китая. Окончив в 1997 году организованную федеральным правительством в городе Гулмит школу для девочек и пройдя двухгодичный курс акушерства, оплаченный ИЦА, Азиза также захотела вернуться в родные края, чтобы работать в своем районе, где ежегодно около двадцати женщин погибают во время родов. С тех пор как Азиза начала свою работу, ни одного смертельного случая при родах в округе не зафиксировано.

Спустя тринадцать лет после того, как завершилось строительство первой школы в Корфе, Институт Центральной Азии вырастил целое поколение молодых образованных женщин, которые сейчас начинают строить свою карьеру. Они совершают гораздо более впечатляющее «восхождение», чем все западные альпинисты, когда-либо покорявшие местные вершины. Эти женщины в известном смысле обогнали не только меня, альпиниста-неудачника, но и самых выдающихся покорителей гор, включая первопроходца Алистера Кроули,

британского поэта, шпиона, йога, который первым из европейцев в 1902 году совершил попытку подчинить себе К2.

Эти девушки забрались гораздо выше, чем мы, альпинисты, могли даже мечтать.

* * *

Ради достойной цели – сделать образование доступным для девочек – сейчас не покладая рук трудятся люди в самых разных странах мира от Гватемалы и Египта до Бангладеш и Уганды. Особенности подхода Института Центральной Азии к этой работе, пожалуй, лучше всего отражает название книги «Три чашки чая». Оно отсылает к пословице народа балти, которую я узнал от Хаджи Али во время одного из первых моих приездов в его деревню. «Когда ты впервые пьешь чай с балти, ты чужак. Когда пьешь чай во второй раз, ты почетный гость. В третий раз ты становишься родственником, а ради родственника мы готовы сделать все, что угодно, даже умереть».

Среди всех уроков, которые мне преподавал старик, это, наверное, самый ценный. Что может быть важнее, чем отношения с окружающими? Пословица снова подтверждает известную истину: чтобы работать в этой части света, необходимо уметь прислушиваться к тому, что тебе говорят. Решение любых проблем, твердо верил Хаджи Али, начинается с чаепития. Так оно и оказалось на практике.

После первого знакомства с Хаджи Али в 1993 году я вернулся в Соединенные Штаты, собрал сумму в двенадцать тысяч долларов и через год снова приехал в Пакистан. В городе Равалпинди я купил цемент, древесину и все необходимое для строительства, погрузил материалы на грузовик «Бедфорд» и повез на север по Каракорумскому шоссе в Скарду. Путешествие заняло три дня. В Скарду мы загрузились в джипы и на них доехали до места, где дорога кончалась – в тридцати километрах от Корфе. Я надеялся, что в деревне меня встретят как героя. Но вместо этого мне сообщили (после того, как я выпил несколько чашек чая с Хаджи Али), что перед тем, как мы начнем строительство школы, необходимо построить мост. Почему? Потому что невозможно было доставить стройматериалы в Корфе с помощью единственного на тот момент средства переправы через бурную горную реку Бралду – оно представляло собой деревянный ящик, закрепленный на стометровом тросе.

Наверное, я мог подумать об этом и раньше, но, так или иначе, неожиданно возникшее препятствие тогда показалось мне катастрофой. Пришлось вернуться в Штаты и убеждать спонсора, доктора Жана Эрни, сделать *еще одно* крупное пожертвование. Затем я закупил в Пакистане дополнительные стройматериалы и снова доставил их к берегу Бралду, после чего жители Корфе перекинули через реку подвесной мост длиной 86 метров. Все это отсрочило реализацию моего первоначального проекта почти на два года.

Все эти изменения планов и отсрочки сводили меня с ума.

Лишь много лет спустя я понял и оценил, насколько символичным оказался сам факт, что до того, как строить школу, необходимо было навести мост.

Школа, конечно, олицетворяла все надежды, которые несет с собой возможность получения образования. Но мост имел еще более глубокий смысл – он олицетворял отношения, которые позволят воплотиться надеждам. Только основанные на человеческих отношениях проекты могут быть воплощены в жизнь. Только так они перестают быть пустыми мечтаниями.

Возведение здания школы в Корфе завершилось в декабре 1996 года, и с тех пор сооружению любой нашей школы предшествовало наведение мостов. Обычно не в прямом смысле этого слова: просто складывались эмоциональные связи и завязывалась дружба, подчас на долгие годы. Скреплялись новые узы многочисленными совместными чаепитиями.

Подобный подход к делу означает, что некоторые наши проекты продвигаются небыстро, напоминая неспешное движение величественных ледников Каракорума. Например, у нас ушло *восемь лет* на то, чтобы убедить осторожного традиционалиста, муллу консервативной деревни Чунда, расположенной в отдаленном уголке Балтистана, что стоит разрешить девочкам посещать школу. Но сегодня в Чунде уже более трехсот школьниц, и мы очень рады, что благословение на учебу им дал тот самый мулла, который когда-то препятствовал женскому образованию. Его отношение к нам изменилось, но эта история показывает, что иногда построение хороших отношений требует колоссального терпения.

Как и Назрин Байг, зеленоглазая медсестра из Чарпурсона, мы не жалеем о том времени, которое проводим в ожидании. Как сказал бы мудрый старейшина деревни, все важные дела стоит делать очень, *очень* медленно.

* * *

Книга, которую вы держите в руках, начинается с того момента, на котором закончились «Три чашки чая». Речь идет о событиях 2003 года и нескольких последующих лет. Частично я рассказываю о продолжении нашей работы в Пакистане, однако по большей части – о том, как мы проникли в новый регион – в отдаленные северо-восточные области Афганистана. Работать здесь оказалось еще сложнее, чем в Пакистане. История о том, что мои сотрудники называют «афганским приключением», разворачивается на фоне описания судьбы одной школы.

Если представить себе, что первая построенная школа – это первое посаженное нами зернышко, то нашу деятельность в труднодоступных районах Афганистана можно сравнить с выращиванием опытным садовником прекрасного цветка в дальнем углу сада. Ни один из проектов не отнимал столько времени и не требовал такой многообразной подготовки и столь тщательного надзора, как возведение маленькой школы неподалеку от старинного киргизского кладбища в самом сердце афганского Малого Памира, в месте, называемом Бамидунья – «Крыша мира» (в русской географической традиции весь массив афганского Памира называется обычно Южным, в противоположность Северному, находящемуся на территории Таджикистана. – *Ред.*). Кроме школы в Корфе, нет более дорогого моему сердцу проекта, потому что ему сопутствовали большие и малые чудеса. Все началось с обещания, данного в 1999 году во время короткой и удивительной встречи, которая будто бы сошла со страниц средневековой истории тех времен, когда степи Центральной Азии топтали кони всадников Чингисхана. Просьба кочевников привела нас в Афганистан, страну, которую я люблю столь же сильно, что и Пакистан.

Отчасти столь удивительным появление на свет этой школы делает то, что за десять лет, что прошли от обещания до его воплощения в жизнь, мы были вынуждены отвлекаться на множество других проектов, которые требовали сил и внимания. Мы не оставляли надежды построить эту школу даже во время разрушительного землетрясения в Кашмире в 2005 году и преодолевали другие возникавшие на нашем пути препятствия, о которых рассказано в книге. Это свидетельствует о преданности цели и упорстве всех сотрудников Института Центральной Азии, и особенно тех двенадцати человек, которых я любовно называю «Грязной дюжиной». Если и есть в этой истории настоящие герои, то это они. В общем, эта книга – о них, потому что без них ничего бы не получилось. Если девушки, выпускницы школ – это зажженное нами пламя, то двенадцать сотрудников ИЦА – это горячая смесь, которая под-

держивает огонь. Они наставляли, вдохновляли, помогали мне двигаться вперед, несмотря на многочисленные трудности. Они столь многим пожертвовали ради дела и продемонстрировали такую верность, что все наши достижения скорее принадлежат им, чем мне. Без их поддержки и смекалки я бы не сделал ничего, а так и остался бы альпинистом-неудачником, питающимся быстрорастворимой лапшой и живущим в собственной машине.

Вы увидите, что история о маленькой, но такой драгоценной для меня школе в дальнем углу Центральной Азии окажется сложной и запутанной, как извилистые горные тропы Каракорума или Гиндукуша. На этих дорогах нередко встречаются препятствия, неприятные неожиданности, резкие спуски или подъемы, завалы и тупики – со всем этим столкнется любой путешественник, дерзнувший забраться в эти необыкновенные и суровые места. Надеюсь, что читатель сможет найти в книге то, о чем уже несколько лет просили меня поклонники «Трех чашек» – они хотели узнать о повседневной работе Института Центральной Азии и о том, чем он живет. Думаю, что смог передать свои чувства, и читатель сможет и сам ощутить, каково это – продвигать идею женского образования в стране талибов. От книги к книге мы постепенно разворачивали повествование, стремясь показать, каким образом мечта обретает плоть, точно так же, как по кирпичику мы возводили все новые школы.

Замечу, что в первой части книги отчасти будет рассказано о том, что уже известно читателям «Трех чашек чая». Мне показалось важным прибегнуть к некоторым повторам, потому что более ранние события предопределили последующие и со временем обрели новый смысл. Ведь поначалу я не мог в полной мере оценить значимость происходящего и извлечь из него уроки. Только позже я понял, как то, что случилось раньше, вписывается в общую картину, которую я сейчас пытаюсь воссоздать.

Действительно, только глядя на ситуацию с некоторого расстояния, я смог осознать, что же с нами происходило. Все эти чудеса не удивили бы Хаджи Али, который, увы, умер в 2001 году. Старик не умел ни читать, ни писать. За семьдесят лет своей жизни он покинул родную деревню лишь однажды, чтобы совершить паломничество в Мекку. Тем не менее он был мудр и прекрасно понимал, что надежда живет в будущем, а опыт и здравый смысл человек обретает, заглядывая в прошлое.

Иногда мне кажется, что все самое главное, что я знаю о жизни, я получил от этого вспыльчивого человека, с которым мы когда-то давным-давно встретились среди ячменных полей Корфе.

*Грег Мортенсон.
Бахарак, Афганистан.
Август 2009 г.*

Часть I Обещание

Пролог

*Образование и упрочение положения женщины по всему миру
обязательно сделает любое общество более гуманным и терпимым, а
жизнь – более справедливой и мирной.*

Аунг Сан Суу Кий

Иршадский перевал – один из трех трудных путей, которые ведут через Гиндукуш на север, в самые заброшенные уголки Афганистана. На гребне перевала снег лежит почти круглый год и тает лишь на четыре месяца, а воздух столь разрежен, что проходящие этим путем торговцы обычно подрезают ноздри своим ослам, чтобы тем было легче дышать. Миновав высочайшую точку Пакистана, тропа идет по откосу, образующему длинный пологий спуск, и приводит в узкое и вытянутое ущелье. Тот, кто стоит у южного входа в Иршадское ущелье, до самого последнего момента не может видеть того, кто по нему движется с севера. Именно так и получилось, что я не заметил группы кочевников-киргизов, пересекших границу Пакистана в октябре 1999 года.

Первым их увидел остроглазый Сарфраз Хан – опытный охотник на горных козлов и бывший десантник, получивший в боях ранение, после чего одна его рука двигалась плохо. В тот момент киргизы как раз выезжали из-за поворота в полумиле от нас. Через секунду после того, как в поле его зрения появились приближающиеся всадники, он вскочил с одеяла, на котором мы сидели, подбежал к нашему джипу и начал сигнализировать как сумасшедший.

«Они едут, едут! – кричал он на языке вахи, не в силах сдержать радость. – *Ваздей, ваздей, молодцы!*»

Я в это время собирался сделать еще один глоток *немек чой* (соленого чая), согревавшего нас на ветру и под мокрым снегом. Чашка в руке зависла на полпути к губам... Я поставил ее на землю и стал разглядывать приближающихся. Это было впечатляющее зрелище.

Четырнадцать всадников скакали во весь опор сквозь пелену дождя. Даже с расстояния более километра можно было уловить старую как мир музыку – топот копыт по влажной земле, бряцание металлической сбруи, быстро распространяющиеся в чистом горном воздухе. Мы слышали, как скрипела мокрая кожа седел и как комки грязи, вылетающие из-под копыт лошадей, шлепались на землю.

Предводитель был закутан в потрепанный плащ, его черные кожаные сапоги доходили до колен, бархатные штаны потемнели, и на них блестели пятна бараньего жира. Старое английское ружье «Ли-Энфилд» висело у него за спиной, широкий кожаный пояс обхватывал весь живот, а на голове сидела допотопная шапка советских времен, уши которой взлетали вверх и вниз в такт лошадиному галопу. У каждого из его людей было по «АК-47», и вообще они были вооружены до зубов. Их грудь и плечи опоясывали тяжелые патронташи. Лошади под ними были приземистыми и лохматыми, а тела их лоснились от пота.

Всадники с шумом надвигались на нас и неслись во весь опор, но в последнюю секунду молниеносно остановились и синхронно, с кошачьей грацией спрыгнули на землю. Они покинули седла легко и быстро, и естественность этого движения выдавала людей, которые провели в седле всю жизнь.

Тогда я смог поближе рассмотреть предводителя. Это был молодой человек с редкими усиками, с плоским загорелым и обветренным лицом, худощавый, с косматыми волосами и грубой кожей. Кочевник, вероятно, внешне мало отличался от представителей предыдущих сорока или пятидесяти поколений его предков, лучших наездников во всей истории человечества.

Такое впечатление, что бурный и сметающий все на своем пути поток времени почти не затронул этих людей и этой культуры.

Стоя там, в грязи, парень сунул руку в карман куртки, достал щепотку сырого зеленого жевательного табака и приветствовал нас традиционным «*ас-салам-алейкум*». А затем он негромко и очень почтительно поведал, что он и его люди скакали без остановок шесть дней, чтобы повидаться со мной.

Как выяснилось, их послал *командхан* Абдул Рашид Хан, вождь последнего оставшегося в горах Малого Памира племени киргизов. Земля в местах, где они обитали, была столь скудна, что каждую зиму семьи кочевников, а также стада верблюдов, овец и яков фактически голодали. Однако они не сетовали на это; единственное, чего недоставало людям Абдул Рашида, по их собственному заявлению, так это образования – возможности обучить своих детей чтению и письму. Вот что заставило их оседлать коней и преодолеть Иршадский перевал.

В последние несколько лет, рассказали приехавшие, в их дальние горные поселения с южной стороны Гиндукуша стали приходить странные вести. Говорили, что некий американский альпинист строит школы в приграничных долинах северного Пакистана, в округе, который позабыт властями и в котором иностранные некоммерческие организации также отказываются вести работу. По слухам, открываемые американцем учреждения не только были доступны для мальчиков, но и распахивали двери для тянувшихся к грамоте девочек.

Прознав, что американец собирается посетить долину Чарпурсон, Абдул Рашид Хан отправил отряд самых выносливых всадников на самых быстрых лошадях и приказал им найти этого человека и спросить, не построит ли он школу для киргизских детей.

Немногое дается быстро в тех местах, но отряду пришлось действовать оперативно. Первый снег рано лег в 1999 году на склоны Гиндукуша, и если киргизские посланцы не успеют вернуться до того, как сугробы окончательно завалят Иршадское ущелье, они окажутся отрезанными от дома и семей до следующей весны. Вероятно, сказали они, им придется двинуться в обратный путь сразу по приезде, в крайнем случае следующим утром. Поэтому ответ от меня им нужно получить незамедлительно.

«*Ваалекум-салям* («мир также и вам»), – ответил я предводителю всадников. – Я понимаю, что у вас мало времени, но давайте все же сначала пройдем в дом моего друга Сарфраз Хана, чтобы вы и ваши люди могли поесть и отдохнуть. А потом мы обсудим просьбу Абдул Рашид Хана и подумаем, удастся ли построить школу».

Глава 1

Люди в конце дороги

Я не знаю, какой будет ваша судьба, но одно я знаю наверняка: лишь те из вас будут поистине счастливы, кто искал и нашел способ служить людям.

Альберт Швейцер

Отправляясь в аэропорт, чтобы лететь в Пакистан или Афганистан, я всегда беру с собой небольшой пластмассовый кейс, на котором красуется бело-зеленая наклейка с надписью «Последнее из лучших мест». Изначально эти слова – заголовок сборника писателей Уильяма Киттриджа и Анник Смит, включающего прозу, написанную ими в Монтане. Впоследствии эти слова стали одним из официальных «прозвищ» штата Монтана, в котором я прожил четырнадцать лет со своей семьей – женой Тарой, детьми Амирой и Хайбером и с собакой, тибетским терьером Таши. Этот девиз штата отражает многое: волнующе прекрасные пейзажи и необъятные просторы, которые привлекают сюда очень многих американцев. Слоган «последнее из лучших мест» приклеился к Монтане и является теперь столь же неотъемлемым ее атрибутом, как силуэт гор на номерных знаках всех автомобилей штата.

Однако для меня поэтичная фраза Киттриджа несет в себе совершенной иной смысл.

Взглянув на карту, на которой обозначены школы, построенные с 1995 года Институтом Центральной Азии, вы увидите, что все свои проекты мы реализовали в районах с абсолютно отсутствующей инфраструктурой образования. Школ здесь не было из-за географической удаленности, страшной бедности местного населения, процветающего религиозного экстремизма или непрекращающейся войны. Есть места, о которых вообще мало кто знает и куда практически никто из «внешнего мира» не ездит. Именно об одном из них я расскажу в начале этой книги.

ИЦА всегда отличал нетрадиционный подход к работе. Большинство некоммерческих организаций по разным, но вполне обоснованным причинам предпочитает базироваться в легкодоступном с точки зрения ресурсов и связи регионе. Только после того, как создается «опорный пункт» в удобном месте, они начинают постепенно продвигаться дальше, в глубь страны, в ее труднодоступные районы. И это вполне резонно. Проблема в том, что такое постепенное и неспешное разворачивание занимает массу времени: иногда целая жизнь уходит на то, чтобы добраться до людей, которые больше всех других нуждаются в твоей помощи. Гораздо труднее, а иногда и опаснее, начинать работу *в конце* дороги и уже оттуда прокладывать себе дорогу в более цивилизованные области. Хорошо это или плохо, но мы именно так и делаем.

Мы не ставим своей целью заполнить весь регион, запуская сотни проектов. Это еще одна черта, отличающая нас от других групп, занимающихся проектами развития. Мы просто хотим построить несколько школ в глухих областях и дать возможность местному населению поддерживать работу этих образовательных заведений. Сделав свое дело, мы уходим в тень, надеясь, что у государственных властей и других НКО постепенно дойдут руки до этих проектов, что они со временем поддержат их и доберутся до этих мест. Таким образом постепенно преодолевается изоляция. На удивление, именно так в большинстве случаев и развиваются события.

В Балтистане, суровом и прекрасном крае на северо-востоке Пакистана, в самом сердце Каракорума, мы работали всю вторую половину 1990-х, приходили в почти необитаемые, забытые Богом и людьми долины и деревни, некоторые из которых находятся в горах на высоте до 3400 метров. Мы закладывали фундаменты более тридцати прочных каменных

школьных зданий, привозили стройматериалы и набирали учителей, а деревни предоставляли бесплатную землю под строительство и рабочую силу. Мы брались за проект только в том случае, если власти деревни соглашались на постепенное вовлечение девочек в процесс обучения, чтобы те со временем могли получать образование наравне с мальчиками.

Первая наша школа была построена в Корфе, самом последнем, крайнем населенном пункте в долине Бралду. Прямо за этой деревней начинается ледник Балторо, ведущий к К2. Школа в Хуше тоже находится в самом дальнем углу своего района, у подножия горы Машербрум, одного из самых прекрасных пиков-семитысячников на земле.

С отчаянной смелостью мы первыми проникали в регионы, где шли вооруженные конфликты и отмечался рост экстремистских настроений. В 1999 году по просьбе пакистанских военных мы начали реализацию двух проектов в регионе Гултори, где постоянно происходят стычки между индийскими и пакистанскими войсками из-за спорных границ Кашмира.

Возведенные нами школы прячутся на склонах гор; их металлические крыши стоят под определенным углом, чтобы индийские артиллерийские снаряды рикошетировали от них.

А еще совсем недавно, в 2008 году, мы помогли сообществам провинции Кунар в восточном Афганистане построить две школы для девочек на самой границе с Пакистаном. Она существует условно, власти ее почти не контролируют, и именно здесь находят убежище многие сторонники движения талибан. Старейшины племени патхан обратились к нам с просьбой о помощи в возведении этих школ через командующего расположенной тут американской военной базой.

Философия «последнего места, которое становится первым» отличает нас от других, и за нее нас часто критикуют. Но иногда другой подход просто невозможен. Если организация, подобная ИЦА, не направит свои силы в такие районы, еще как минимум одно или два поколения девочек так и останутся неграмотными. Кроме практических соображений, вести дела подобным образом нас побуждает еще одна причина, не имеющая отношения к прагматизму.

Представители народов, населяющих области на самом краю цивилизованного мира, как правило, не имеют разностороннего кругозора, утонченных манер, им не свойственен космополитизм. Часто они совсем необразованны и не знают о последних достижениях науки и техники или, скажем, о новинках моды. Иногда они бывают недоверчивы и даже не очень дружелюбны по отношению к чужакам. Но при всем при этом люди, живущие на окраине мира, отличаются невероятным жизнелюбием и изобретательностью. Они мужественны, гостеприимны и покоряют своим благородством.

А еще за многие годы я понял, что, если лишь немного помочь им, они смогут творить удивительные вещи. Так оно и происходит: иногда они совершают такое, на что всем нам следует равняться. Мы все обогащаемся в те моменты, когда обычные люди проявляют необычайное великодушие, стойкость, сострадание. Они подобны рекам Каракорума и Гиндукуша. Их дела вдохновляют всех нас, и воды воодушевления широко разливаются, питая поля в самых разных частях света.

Так что для меня наклейка «последнее из лучших мест» на чемоданчике вовсе не ассоциируется с рекламой красот моего родного штата. Она напоминает мне о том, во что я твердо верю: люди, живущие в самых дальних, «последних» краях, о существовании которых многие вообще не знают или забывают, часто оказываются цветом человечества, образцом, которому всем нам следовало бы уподобиться. Вот почему меня все время тянет на край света и я не в состоянии противостать зову сердца.

Еще в 1993 году, когда проект по строительству школ только зарождался, маленькая затерянная деревня Корфе поразила меня и послужила для меня олицетворением того, что

такое «последние места», места, где кончаются дороги. В последующие годы мне посчастливилось работать в таких же отрезанных от мира и труднодоступных районах. В них живут столь же волшебно привлекательные во всей своей суровости люди, что и в Корфе. И все же киргизские кочевники, приехавшие из Ваханской долины в октябре 1999-го, как оказалось, обитают в еще более затерянном и изолированном районе. Это уже не конец дорог, а прямо-таки край земли.

По сравнению с местом их обитания Корфе показалась мне пригородом Лос-Анджелеса.

Пуштунские старейшины рассказывают, что когда Аллах завершал творение мира, он решил пустить в дело все отходы производства, собрал груды камней и создал Афганистан.

Ландшафты этой страны и вправду выглядят так, будто они собраны из обломков каменных глыб, но особенно ярко эта особенность афганского пейзажа проявилась в узком и длинном, протянувшемся почти на 200 километров горном коридоре на северо-востоке Афганистана, вклинившемся между территорией Пакистана и Таджикистана и упирающимся в границы Китайской народной республики. Высочайшие горные массивы мира – Куньлунь, Тянь-Шань, Памир, Каракорум и Гиндукуш – окружают эту область или вклиниваются в нее. Высота величайших мировых пиков достигает 6000 метров, а обитатели горных плато, живущие в удалении и почти полной изоляции от мира в суровых климатических условиях, называют это место *Бами-Дунья* – «Крыша мира».

В течение более чем двадцати столетий по Ваханскому коридору пролегли пути торговцев и дипломатов, здесь проходили армии завоевателей, паломники, исследователи, миссионеры, проповедники и чудотворцы всех мастей, путешествовавшие из Центральной Азии в Китай и обратно. Коридор был местом, где смыкались так называемые Внешняя и Внутренняя Татария – области, которые греческий географ Птолемей называл «двумя Скифиями». Это был один из самых трудных участков Великого шелкового пути, транспортной артерии длиной без малого в шесть с половиной тысяч километров, благодаря которой осуществлялись основные контакты между Европой, Индией и странами Ближнего и Дальнего Востока.

Лишь немногие путешественники Запада посещали Вахан. Первым из них был Марко Поло, который за четыре года пересек Персию и Центральную Азию, чтобы прибыть ко двору китайского императора (из монгольской династии Юань. – *Ред.*) Хубилай-хана.

Преодолев Ваханский коридор в 1271 году, легендарный венецианский путешественник впоследствии писал, что горные хребты здесь настолько высоки, что птицы не могут перелететь через них, а мороз столь суров, что огонь костра меняет цвет и теряет силу, так что людям вокруг него трудно согреться.

Еще через триста пятьдесят лет иезуит по имени Бенито де Гоиш был послан орденем по маршруту Марко Поло с поручением проникнуть в Китай. Под видом армянского купца он присоединился к торговому каравану и благополучно добрался до китайского города Сюй-джоу. Вскоре он заболел и умер – в 1607 году, то есть примерно тогда, когда Великий шелковый путь начал терять свое значение. Западные мореплаватели-первопроходцы открыли морские маршруты, связавшие Европу и Дальний Восток. Так что почти вся торговля шла теперь по морю, хотя некоторые купцы все же предпочитали сушу и по горным тропам Памира переходили из Китайского Туркестана – он же Синьцзян – также в Тибет и в Читрал, самый северный район Индии (сейчас это территория Пакистана. – *Ред.*).

О Ваханском регионе надолго забыли, и он вновь появился на мировой арене лишь в конце XIX века, когда Великобритания и Россия начали борьбу за влияние в Центральной Азии. Столкновение интересов двух империй получило название «Большая игра». В этот

период Россия активно расширяла свои южные границы, так что в ее состав входило все больше древних городов Великого шелкового пути. В то же время Англия пыталась защитить старые подконтрольные ей магистрали и перекрыть русским маршруты проникновения в Гималаи и Гиндукуш, а через них и в Индию – «самый драгоценный камень в короне Британской империи». Огромное количество исследователей, военных, шпионов и осведомителей всех мастей пересекали регион вдоль и поперек и бесконечно играли в кошки-мышки в высокогорьях Гиндукуша и Памира. Наконец в 1895 году, когда враждующие стороны уже находились на грани войны, политикам из Лондона и Санкт-Петербурга все же удалось прийти к согласию: Вахан был объявлен буферной зоной, отделяющей и защищающей юго-восточные рубежи царской России от североиндийских форпостов Британской империи.

Еще через двадцать два года, с появлением на политической арене России, северные границы Вахана оказались запертыми на замок, что сильно мешало торговле между севером и югом Азии. В 1949 году, когда Мао Цзэдун окончательно утвердил коммунистический режим в Китае, закрылась восточная «дверь», ведущая в Ваханский коридор, так что в регионе прекратилось всякое движение и по оси «восток-запад».

В течение жизни одного поколения район, бывший некогда оживленным перекрестком торговых путей и находившийся в центре политических и культурных событий, оказался в тупиковом положении.

Две великие империи своим произволом превратили Ваханский коридор в никчемный и бесперспективный кусок земли, обрекли на бедность и прозябание его население.

Сегодня его жители находятся в такой изоляции, которую даже трудно себе представить в современном мире, где любые границы преодолевают электронная почта, «Твиттер» или сигнал спутникового телефона. Заброшенный и глухой уголок, Вахан – это азиатская Ultima Thule, край земли, забытый всеми регион за границами цивилизованного и вообще исследованного мира.

* * *

Киргизские всадники, перебравшиеся через Иршадский перевал осенью 1999 года, вели свой род из Тувы. Их предки пришли из Сибири в Центральную Азию в XIII веке, в период расцвета Монгольской империи. Большую часть последних восьми столетий образ жизни этих племен не менялся. Ритм ему задавали сезонные миграции с одного горного пастбища на другое на востоке Афганистана, западе Китая, юге Таджикистана. Каждый год кочевники свободно пересекали эти территории вместе со своими юртами и стадами коз, яков и двугорбых верблюдов-бактрианов. Чиновники не обращали на них внимания, сборщики налогов или озабоченные вопросами безопасности военные не беспокоили их. На зиму киргизы покидали горы и проводили холодное время года в долинах на территории Таджикистана и западного Китая, где можно было укрыться от стужи и защитить скот от нападения медведей и волков. Летом они медленно возвращались на горные пастбища, где единственными их соседями были горные козлы, которых впервые описал Марко Поло.

После революции в России советское правительство потратило много усилий на то, чтобы принудить кочевников к оседлой жизни. В 1930-х годах их пытались переселить в советские среднеазиатские республики и заставить работать в колхозах. Однако некоторая часть киргизов отказалась жить по навязываемым им правилам и обратилась к королю Афганистана с просьбой предоставить им убежище в Вахане. Это избавило их от давления Советского Союза, но зато сократило территорию миграций – теперь это были короткие перемещения в пределах восточной части Ваханского региона и китайской провинции

Синьцзян. Однако в 1950–1960-х годах коммунистический режим, утвердившийся в Пекине, еще больше ограничил возможности их передвижения.

Затем, в 1978 году, перед самым вводом советских войск в Афганистан, примерно 1300 киргизов под предводительством имама Хаджи Рахманкула решили покинуть Памир и двинуться на юг в Пакистан через Гиндукуш. Но жизнь в новом месте оказалась несладкой. Так, например, киргизские женщины были принуждены носить паранджу, а из-за жаркого климата в племени расплодились болезни и повысилась смертность. После неудачных попыток получить американские визы и переправить часть своего народа на Аляску Рахманкул в 1982 году принял решение еще раз поменять место жительства племени. Эту миграцию обычно называют Последним исходом. Имам привел киргизов в восточную Анатолию. Турецкое правительство оказало им покровительство и поселило неподалеку от воинственных курдов, которых, к их большому недовольству, попросили «подвинуться». Сложившийся в Турции киргизский анклав процветает и по сей день.

Тем временем одна небольшая группа, всего человек в двести, отказалась принять участие в Последнем исходе, откололась от тех, кто последовал за Рахманкулом, и вернулась в Вахан, где продолжала, как и их предки, вести кочевой образ жизни. В пустынных высокогорьях Малого Памира потомки этих киргизов сейчас пытаются вести традиционный уклад жизни, пронесенный сквозь века их предшественниками. Это племя – один из последних во всем мире носителей традиций кочевников-скотоводов.

Вся эта история кажется романтической, однако жизнь киргизов в Вахане на самом деле была очень нелегкой. С каждым годом борьба за выживание становилась все более суровой. Путь на юг, в более теплые долины был закрыт: приходилось в высокогорьях пережидать чрезвычайно холодные зимы, которые длились с сентября по июнь. Средняя зимняя температура составляла около 20 °С ниже нуля. Племя регулярно находилось на грани голодной смерти. Особенно тяжело приходилось ранней весной. Но, несмотря на столь бедственное положение вещей, никакой правительственной поддержки обитатели этого края не получали.

До недавнего времени в восточной части Ваханского коридора не было ни единой школы, аптеки, полицейского участка, почтового отделения, продуктового рынка. Ни одного ветеринарного пункта, больницы или поликлиники.

Это место кажется гиблым даже в неблагополучном Афганистане, стране, где 68 % граждан живут в условиях постоянных военных конфликтов и где средняя продолжительность жизни составляет сорок четыре года, а смертность женщин при родах – на втором месте в мире после Либерии.

Единственной связью киргизов с внешним миром служит однополосная, вечно покрытая грязью асфальтированная дорога, которая берет начало у города Файзабад, находящегося в афганской провинции Бадахшан. Ее протяженность более ста километров. Шоссе проходит через такие населенные пункты, как Бахарак, Ишкашим и Калаи-Пяндж, и обрывается у деревни Сархад. Это примерно полпути в Коридор. Далее надо идти пешком, а груз перевозить на вьючных животных, способных пройти по протянувшимся вдоль реки Памир и по берегам других ваханских рек узким тропам, которые тянутся до самого дальнего, восточного конца Коридора, к кристально чистому горному озеру. Раскинувшиеся по его берегам луга с ярко-зеленой травой носят название Бозаи-Гумбаз. Примерно в этих местах Марко Поло провел зиму 1272 года, восстанавливая силы после малярии. Именно здесь вождь киргизского племени, отправивший ко мне гонцов через Иршадский перевал, надеялся построить школу.

Это место как нельзя лучше отвечало нашей философии – работать в самых удаленных, самых крайних, «последних» местах.

Понятно, что в такой район трудно даже просто доехать, не то что построить здесь здание, где смогут регулярно собираться дети и учителя. Особенно непростой эта задача была для такой маленькой организации, как ИЦА. Кроме того, в Пакистане к тому времени мы были настолько завалены работой, что, казалось, с нею не справиться и за несколько десятилетий. Здравый смысл подсказывал, что не стоит ввязываться в этот проект: наши ресурсы и так скудны, так зачем же затевать дела в глухом углу другого государства, на территории, о которой мы мало что знаем, среди незнакомого народа.

Но, опять же, хочу напомнить: мы изначально были нацелены на работу именно в таких регионах. Кроме того, за предшествующие годы нам удалось собрать удивительную команду, которая с энтузиазмом берется за самые трудные предприятия.

Недаром жена часто напоминает мне о том, что мои коллеги – люди поистине уникальные.

* * *

Мой стиль работы со многих точек зрения необычен: я часто берусь за дело, мало что в нем понимая; мне приходится сотрудничать с несимпатичными персонажами – контрабандистами, нечистыми на руку правительственными чиновниками, фанатиками из движения талибан. Еще более странной может показаться моя привычка брать на работу неопытных, иногда совсем необразованных местных жителей, которых я отбираю, руководствуясь исключительно интуицией. Эту привычку, как выяснилось, я унаследовал от отца.

Весной 1958 года, когда мне было лишь три месяца, наша семья переехала из американского штата Миннесота в Восточную Африку. Мои родители преподавали в школе для девочек, а через четыре года создали на склонах горы Килиманджаро первый в Танзании учебный стационар. В этой больнице одновременно лечили пациентов и готовили молодых местных врачей. Я и мои сестры, Соня и Кэрри, учились в школе совместно с детьми из нескольких десятков разных стран. А в это время Демпси, мой отец, как раз занимался организацией Христианского медицинского центра Килиманджаро (Kilimanjaro Medical Christian Center, КСМС).

Труднее всего ему было бороться со страхом, свойственным многим европейцам: они с подозрением относились к тому, что представители местного населения получают образование, займут ответственные посты и получат власть.

Отцу со всех сторон твердили: чтобы хоть чего-то достигнуть в Африке, необходим музунго (белый человек), вооруженный кобоко (плетью).

Несмотря на все эти предрассудки, он никогда не сомневался в том, что нет ничего невозможного – важно уметь слушать и строить отношения с людьми. Он вместе с местными жителями совершал ритуал, напоминающий азиатские чаепития. По воскресеньям отец ехал в соседний городок Мамба, где после службы в церкви старейшины, мужчины и женщины, садились в кружок и передавали друг другу общую чашу, сделанную из тыквы, с *помбе* (местным видом пива), обсуждая текущие дела и ведя дружеские беседы.

За десять лет отцу удалось сколотить инициативную группу, которая напоминала «ООН в миниатюре». Здание больницы строила израильская компания из Хайфы, соответственно это были иудаисты. Инженерами-консультантами выступили египетские сунниты. Архитектором был еврей из Рима. Каменщиков набрали среди арабов-мусульман, живших

на побережье Индийского океана. Бухгалтерия исповедовала индуизм, а в качестве прорабов и менеджеров-координаторов проекта выступили местные, африканцы. Вначале всем этим людям было нелегко понимать друг друга; иногда казалось, что дело практически разваливается на глазах. Тем не менее отец с упорством продолжал двигаться вперед, и к 1971 году КСМС наконец был построен и начал работу. И тут произошло знаменательное событие.

Чтобы отпраздновать открытие больницы, Демпси устроил гигантский бетонный мангал в саду нашего дома и устроил праздник, длившийся целый день. В разгар веселья отец произнес речь. Он попросил прощения за все трудности, через которые пришлось пройти участникам проекта, а затем поблагодарил каждого поименно – от руководителей до самого последнего рабочего – и похвалил всех за отлично выполненную работу. А затем объявил, что хочет сделать одно заявление, можно даже назвать его предсказанием. «Через десять лет, – пообещал он, – каждое отделение больницы будет возглавлять танзаниец». Воцарилась тишина, повисла неловкая пауза, а среди присутствовавших на торжестве высокопоставленных выходцев с Запада слышались еле сдерживаемые смешки. Они как бы говорили: *«Ты кем себя возомнил? Как ты смеешь вселять в этих людей неоправданные надежды, ставить перед ними нереализуемые цели и тем самым заранее обрекать их на провал?»* В то время в обществе все были уверены, что танзаниец не может быть ровней белому человеку. Считалось, что просто наивно ждать от местных тех же успехов. Бытовало негласное мнение, что африканцам просто несвойственны честолюбие и целеустремленность, что они по природе своей невежественны и безответственны.

Наша семья вернулась домой в Миннесоту в 1972 году, а в 1981-м отец умер от рака. Годом позже мы получили по почте годовой отчет о деятельности больницы. Мама со слезами на глазах показала его мне. Каждое отделение возглавлял врач-танзаниец. И по сей день, почти тридцать лет спустя, больница работает именно так, как предсказывал отец.

Мне очень жаль, что ему не удалось дожить до того времени, когда его пророчества не только сбылись, но позволили всем по-новому взглянуть на вопрос образования для местного населения и начать развивать это направление. Да и я сам стал следовать отцовским принципам, работая в Пакистане и Афганистане.

Всего в Институте Центральной Азии насчитывается около двенадцати «полевых» сотрудников. Эти люди в большинстве своем сами «назначили» себя на те или иные должности. Я не причисляю себя к важным персонам, обычно путешествующим с командой охранников, но один из знакомых пакистанцев, работавший когда-то носильщиком с альпинистами на К2, пока в автоаварии сильно не повредил плечо, настоял на том, что мне нужен телохранитель. И с тех пор он много лет ревностно выполняет эти обязанности. Это крупный мужчина по имени Фейсал Байг. Как-то летом 1997 года в городе Скарду он здорово поколотил несчастного прохожего, который нескромно и, можно даже сказать, с вождением уставился на мою жену Тару, сидевшую в принадлежащем ИЦА «Лендкрузере» и кормившую грудью нашу маленькую дочку.

Несколько лет назад ушел на пенсию бессменный водитель этого «Лендкрузера» Мохаммед Хусейн. Худой, с вечной сигаретой в зубах, он был подвержен смене настроений, но при этом обладал быстрой реакцией и удивительной находчивостью. Мохаммед очень серьезно относился к своим обязанностям и даже настоял, чтобы мы всегда возили с собой запас динамита, хранившегося как раз под пассажирским сиденьем, на котором обычно сидел я. С помощью взрывчатки мы могли без посторонней помощи пробраться по дорогам Каракорума, где нередки оползни и обвалы. Хусейн полагал, что наши дела слишком важны и неотложны, чтобы мы могли ждать, пока бригада дорожных рабочих приедет и расчистит путь.

Нельзя не упомянуть и Апо (полное имя – Абдулла. – *Ред.*) Разака, семидесятипятилетнего повара небольшого роста, который более сорока лет варил рис и готовил овощи для самых знаменитых альпинистских экспедиций, покорявших Каракорум.

Апо, отец восемнадцати детей, не умеет ни читать, ни писать. Он настолько привык к никотину, что может курить сигареты и одновременно жевать табак. Во рту у него уцелело всего несколько зубов, которые окрасились в цвет смолы.

Но этот маленький человечек умеет держаться с таким благородством и с такой искренностью, что это сразу покоряет сердца всех имеющих с ним дело. Он даже поразил этими своими качествами бывшего президента Первеза Мушаррафа (три раза обстоятельства складывались так, что тот пил чай с Разаком). Его обходительность не раз помогала нам договориться с суровыми охранниками и военными, устраивавшими нам бесконечные проверки в аэропортах, гостиницах и на дорожных КПП. После того как Апо обыскивали, чтобы узнать, не везет ли он с собой оружие, тот тепло и по-дружески обнимал тех, кто только что устроил досмотр. Недаром его прозвали «чача» (дядюшка). В ИЦА Апо отвечает за связи с государственным учреждениями. Ему поручают различные требующие дипломатических способностей дела – он умиряет аппетиты алчных бюрократов, находит компромисс с упрямыми религиозными лидерами и свирепыми боевиками.

Думаю, стоит признаться, что есть у нас сотрудники, чьи обязанности даже трудно четко определить. Это «специалисты чрезвычайно широкого профиля». Например, Хаджи Гулям Парви, ревностный мусульманин, некогда служивший бухгалтером на пакистанском радио. Он бросил эту работу ради того, чтобы руководить нашими проектами в Балтистане. Или другой пример: Мухаммед Назир, молодой человек двадцати девяти лет с серьезным взглядом и маленькой бородкой, также ведущий несколько проектов в Балтистане. Мохаммед – сын уважаемого человека, бизнесмена из Скарду, поставляющего продовольствие пакистанским войскам, расквартированным в горах, на высоте семи тысяч метров, у горных хребтов, возвышающихся над ледником Сиачен. Это самая высокая точка, где когда-либо проходили военные действия за всю историю человеческих войн. В целом мои коллеги – это люди, на чьи резюме даже не взглянули бы в обычных некоммерческих организациях. В нашей ведомости значится горный носильщик, неграмотный фермер – сын поэта из народа балти, бывший контрабандист, возивший шелк и пластмассовые китайские игрушки по Каракорумскому шоссе. Есть один человек, прошедший двадцать три года своей жизни в лагерях беженцев, один бывший пастух и два бывших талиба.

Примерно треть сотрудников ИЦА в Азии не обучены грамоте. У двоих из них несколько жен. И, что особенно важно, они принадлежат к трем разным, враждующим между собой направлениям ислама.

Среди них есть сунниты, шииты и исмаилиты (либеральная группа, отколовшаяся от шиитов. Духовный лидер исмаилитов Ага Хан живет в Париже). Когда я бываю в Пакистане, мне часто говорят, что трудно себе представить, чтобы столь разные по происхождению и убеждениям личности собрались за одним столом и вместе мирно пили чай. В обычной жизни, может, это и малореально. Тем не менее эти люди, получающие небольшую зарплату и почти не контролируемые мной, научились плодотворно работать вместе. Они достигли потрясающих результатов, хотя, конечно, здесь есть и значительный вклад тех, кто ждет «в конце дороги» – ради их блага трудимся все мы.

С тех пор как мне в первый раз довелось ступить на пакистанскую землю, я все время путешествую в компании одного или двух из этих сотрудников. Недели мы проводим рядом в машине, колеся по извилистым дорогам Балтистана, Кашмира и Гиндукуша. Долгие часы в пути и все дорожные неудобства они переносят с такой стойкостью, что я начинаю подо-

зреть, будто они все принадлежат к некоему кочевому исламскому братству. Иногда они громко и заливисто хохочут, ехидно поддевая друг друга. Один из самых острых на язык шутников – Сулейман Минас, бывший таксист, человек с торчащими усами и неумным чувством юмора. Как-то давно, в 1997 году, он подвозил меня из аэропорта в Исламабаде и, узнав, чем я занимаюсь, сразу же решил бросить свое такси. Он объявил, что готов решать все наши проблемы. Среди сотрудников Сулейман знаменит полифоническим храпом, шумным «выхлопом» своей «личной газовой трубы», а также способностью издавать таинственные звуки, когда отправляется в туалет. Все это является предметом нескончаемых шуток его коллег.

Один из любимых видов времяпрепровождения этой компании – совместный просмотр видеороликов YouTube на моем ноутбуке, подключенном к спутниковой сети SatLink. Особенный интерес у них вызывают сюжеты, посвященные военным действиям американских войск против талибов. Всеобщий фаворит – фрагмент, запечатлевший, как боевик талибана с криком «*Аллах акбар*» («Господь велик!») загружает минометный снаряд неправильной стороной и таким образом случайно подрывает самого себя. Апо, ревностный суннит, питающий отвращение к религиозному экстремизму, может смотреть этот ролик десять-пятнадцать раз подряд, заливаясь смехом всякий раз, как взрыв разносит боевика в клочья.

Другое всеми любимое развлечение – шутки в адрес Шауката Али Чаудри, солидного и серьезного школьного учителя. Этот человек в очках с золотой оправой, с роскошной черной бородой и застенчивой улыбкой, некогда состоял в талибанах, но потом покинул это движение и стал одним из наших внештатных консультантов в Кашмире. Шаукату Али уже около тридцати, но он до сих пор не женат. В стране, где большинство юношей заводят семью чуть раньше или чуть позже двадцати лет, это серьезное отставание. Пытаясь решить проблему, учитель недавно разослал сразу четыре письма разным женщинам с предложением руки и сердца. Но, к сожалению, отовсюду получил отказ. Мои сотрудники объясняют это тем, что уж слишком любит Шаукат длинные и нудные разглагольствования на религиозные темы. Его монологи иногда длятся по сорок пять минут. Так что, по мнению коллег, чтобы устроить свою личную жизнь, ему стоит начать ухаживать за глухой женщиной.

В общем, если бы существовала исламская версия сериала *Entourage* (в российском прокате сериал «Красавцы». – *Ред.*), персонажей следовало бы «срисовать» с моих сотрудников.

Я часто называю свою команду «грязной дюжиной», потому что многие ее члены со стороны могут показаться неудачниками и своего рода отверженными. На самом же деле это люди с нереализованными талантами, годами пытавшиеся найти свое место в жизни.

Бывшие работодатели не смогли или не захотели оценить их энергию и энтузиазм, отнеслись к ним равнодушно или с пренебрежением. Однако в рамках на первый взгляд плохо выстроенной и недостаточно организованной структуры ИЦА они смогли применить свою неистощимую изобретательность. Им удалось многого достичь и существенно изменить общество. Их малыми силами были воплощены в жизнь проекты, с которыми с трудом справился бы десяток организаций. Их подлинная мотивация – горячая преданность делу, вера в важность распространения женского образования. Для «грязной дюжины» строительство школ – смысл жизни. Несмотря на весь свой внешний цинизм, они готовы положить жизнь за то, чтобы девочки могли учиться.

Но идея начать работу в Ваханском коридоре казалась безумной даже при наличии такой отчаянной команды, как персонал ИЦА. Чтобы вести дела в этом регионе, нужен был особенный человек – отважный и выносливый, знающий не менее пяти языков, готовый долгие дни и даже недели проводить в седле и обходиться без душа и прочих удобств. Человек,

который был бы готов колесить по тропам Гиндукуша без оружия, но при этом с толстой пачкой долларов (до сорока тысяч), припрятанной в сумке под седлом. Он должен уметь находить общий язык с боевиками, наркоторговцами, продавцами оружия, коррумпированными чиновниками и племенными вождями – негласными князьями и полноправными властителями своих территорий. Причем со всеми этими людьми нужно было не просто общаться, но и извлекать пользу для нашего дела.

Нам повезло: мы нашли такого человека. Он подходил по всем параметрам. Я зову его нашим Индианой Джонсом.

Глава 2

Человек с перебитой рукой

Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется.
Афганская пословица

Мы впервые встретились осенью 1999 года в деревне Зуудхан, расположенной в глубине долины Чарпурсон. Это произошло за день до того, как киргизские всадники показались на горизонте из-за Иршадского перевала. Поводом моего приезда в Зуудхан стала инспекция финансируемого нами проекта – прокладки семикилометрового водопровода для подачи в деревню питьевой воды, а также установки гидроэлектростанции. Обычно мы не занимаемся такими вопросами, но в данном случае пришлось связаться в это дело: некое высокопоставленное официальное лицо допустило нас в Чарпурсон только на этих условиях. Этот район был закрыт для въезда иностранцев с 1979 года, когда советские войска вторглись в Афганистан. Но проверка трубопровода была лишь формальным предлогом для моего визита. На самом деле я хотел побольше узнать о киргизах, таджиках и представителях народности вахи, населявшей афганские территории недалеко от границы с Пакистаном.

В предыдущие два года до меня время от времени доходили сообщения, что люди, живущие в северных районах Гиндукуша, страстно желают дать образование своим детям, в том числе и дочерям. Я слышал, что некоторые племенные вожди из Ваханского коридора безрезультатно пытались связаться со мной. Зуудхан казался наиболее подходящим местом для налаживания контактов с ними. К тому же мне говорили, что в Чарпурсоне есть человек, который может в этом деле помочь.

Его звали Сарфраз Хан. О нем рассказывали фантастические и противоречивые истории. Одни говорили, что этот бывший спецназовец, хорошо знавший приемы ведения войны в горах, некоторое время служил водителем у талибов, управляя пикапом «Тойота» с установленным в кузове пулеметом. Но при этом он любил музыку и танцы и носил шляпу в стиле Дика Треяси попугайского ярко-голубого цвета. Другие намекали на его темное прошлое: будто он занимался контрабандой полудрагоценных камней, поддельного виски, а также наживался на торговле скотом. Ходили легенды, будто он чрезвычайно искусный стрелок (может попасть из дальнобойной винтовки в горного козла на расстоянии полутора километров), ловкий наездник и что у него металлические зубы. Якобы он потерял свои, играя с бешеным азартом в бузкаши – так ему и снесли верхний ряд зубов. Эта жестокая азиатская игра отдаленно напоминает поло: всадники с остервенением гоняют по полю обезглавленную козлиную тушу.

По слухам, Сарфраз развелся с первой женой. Но, что еще более нелепо, перед тем как жениться снова, он потребовал, чтобы ему показали лицо невесты. Подобные претензии грубо нарушают приличия.

Как ни удивительно, ему, видимо, действительно дали увидеть до свадьбы будущую жену – это первый и единственный раз в истории Зуудхана, когда подобные вызывающие притязания были удовлетворены. Никто не мог объяснить, почему Сарфразу пошли навстречу: то ли дело в его фантастической харизме, то ли в отличном умении подчинять себе волю окружающих людей.

Указать, где в этих рассказах кончается правда и начинаются легенды, не мог никто. Но я знал одно: мне необходимо встретиться с этим человеком.

Когда я ехал на северо-запад по единственной дороге, ведущей из городка Сост через Чарпурсон, начался сильный снегопад. К девяти вечера я добрался до Зуудхана: на плоских крышах лежал снег, вся деревня была одета в белое и напоминала сцены из фильма «Доктор Живаго». Я приехал вместе с Фейсалом Байгом, работавшим в ИЦА в качестве охранника. Фейсал родился и вырос в Зуудхане, поэтому нас пригласили провести ночь в доме его племянника Сайдуллы, который курировал несколько школ, построенных нами неподалеку – в долине Хунза. Пробравшись через низкий и узкий вход в хижину Сайдуллы, мы поприветствовали его родителей и уселись, скрестив ноги, на плотные коврики из шерсти яков. Спиной мы прислонились к глинобитным стенам, почерневшим от сажи, которая лежала на них толстым слоем, как застывшая патока. Только сестра Сайдуллы Нарзик успела внести термос с горячим чаем, как дверь распахнулась и в нее ввалился человек в дырявом советском ватнике. Вид у него был такой, будто он только вскочил с постели и лишь слегка пригладил растрепанные вихры. Вначале показалось, что он полностью поглощен звуками, которые доносились из пластмассового радиоприемника – радиостанция китайского города Кашгар крутила рок-н-роллы на уйгурском языке. Голубой отсвет огня – топливом для очага служил сухой ячий навоз – прошелся по комнате, глаза загадочного гостя остановились на мне, и он тут же забыл о приемнике.

«О, доктор Грег, вы приехали! – закричал он, раскинул руки и одарил меня широкой улыбкой, обнажившей ряд металлических зубов. – Как это здорово!» Он пробрался через ряды шерстяных ковриков, заключил меня в свои медвежьи объятия и только после этого пожал мне руку.

Именно тогда я обратил внимание на его правую кисть. Три пальца были неестественно согнуты, наподобие птичьих когтей, а мою ладонь он обхватил указательным и большим пальцами. Я задумался, что могло вызвать подобную травму. Но найти ответ на этот вопрос не успел: на лице новоприбывшего вдруг отразилось беспокойство, он выбежал вон и исчез в ночи.

Впрочем, через пару минут вернулся и принес красное иранское одеяло, явно бережно хранимое для дорогих гостей. Он настоял, чтобы я в него завернулся. После этого мы выпили по чашке чая и я выслушал его рассказ о себе.

* * *

Большую часть из своих сорока двух лет Сарфраз Хан, по его собственному признанию, провел «без особого толку». Его первый брак распался – редкое и довольно неприятное для исламского общества явление. На вторую женитьбу он получил благословение лишь после того, как соврал родителям будущей жены, что у него нет детей от предыдущей (на самом деле у него было две девочки). Затем он потряс стариков еще и тем, что захотел увидеть лицо их дочери до свадьбы.

К тому времени он уже ухитрился поучаствовать в целом ряде сомнительных бизнес-предприятий в самых различных уголках региона от Каракорума до Аравийского моря. Однако все это не принесло ему стабильности и достатка – ни дома, ни обеспеченного будущего у него по-прежнему не было. Но самое печальное, что он не нашел призвания, которое позволило бы реализовать заложенные в его характере лидерские качества и удовлетворить страсть к путешествиям и переменам.

Сарфраз родился и вырос в Зуудхане, но среднее образование ему пришлось получать в школе в далекой деревне, находящейся в другом конце долины Чарпурсон. От его дома до нее было пять дней пути. Обучение сына дорого обходилось его родным. Отец семейства Хаджи Мухамад служил таможенником на границе; его доходы были весьма скромными. Однако он, равно как и его жена Биби Гульназ, твердо верили в то, что образование необхо-

димо старшему сыну, так как аттестат об окончании восьми классов давал ему возможность впоследствии работать учителем начальной школы, которую собирались открыть в его родном селении.

В соответствии с родительским планом Сарфраз по окончании школы вернулся в Зуудхан и стал учителем. В хорошую погоду дети занимались на улице, а в плохую – в кухне общинной *джумат-ханы* – так называется дом молитвы у исмаилитов.

Но через год юноша разочаровался в профессии педагога и решил, что хочет служить в армии. Он попал в элитное подразделение спецназа Пенджабского полка и прошел курс специальной подготовки для ведения войны в высокогорных районах. В 1974 году, во время боевых действий в Кашмире между Пакистаном и Индией, он был дважды ранен.

Первая пуля раздробила правое плечо, а вторая прошла через правую ладонь. Военные медики не смогли полностью восстановить подвижность конечности, и она оказалась частично парализованной. Три пальца так и остались согнутыми – это и есть «фирменный крюк» Сарфраз Хана.

Но, несмотря на последствия травмы, он сохранил способность держать ручку, стрелять из винтовки, а также крутить руль несущегося на бешеной скорости джипа, когда левая рука занята мобильным телефоном.

После ранения Сарфраз отправили в почетную отставку и назначили пенсию размером в четыре доллара в месяц. Он вернулся в Зуудхан, снова попробовал учительствовать, но через год опять бросил это занятие – жалованье было мизерным, а семья увеличилась, и ее нужно было как-то содержать. Тогда наш герой поехал в город Гилгит, где устроился работать водителем микроавтобуса. Иногда ему приходилось по тридцать часов подряд без сна и отдыха колесить по опасному Каракорумскому шоссе. Дома он почти не бывал. Поняв, что здесь «не будет толку», он перебрался в Карачи, один из крупнейших мегаполисов и признанный экономический центр Пакистана. Там он в течение полугода служил *чокидаром* (охранником), пока не переехал в Лахор, академический и культурный центр, пристроившись в китайский ресторан. И снова «толку не было». Тогда он снова собрал вещи и переместился в Пешавар, столицу беспокойной и нестабильной провинции на северо-западной границе страны. Там он подвизался в качестве шофера, механика, автоброкера. Наконец, он решил навсегда «завязать» со всеми видами автомобильного бизнеса. Искать счастья на чужой стороне больше не было смысла, и он снова вернулся в Зуудхан. Круг замкнулся. Сарфраз Хан повторил судьбу многих выходцев из дальних селений Пакистана, безработица среди которых достигает восьмидесяти процентов.

К тому времени советская интервенция в Афганистане набирала обороты. Русские вертолеты инспектировали границы, и когда эти металлические чудовища появились в небе над Зуудханом, правительство Пакистана отреагировало на угрозу тем, что объявило Чарпурсон закрытой зоной и перекрыло доступ в нее всех, кроме коренных жителей. Ситуация открывала новые возможности – Сарфраз почувствовал это и решил наладить нелегальную торговлю с Афганистаном, используя свои семейные связи в Ваханском коридоре (веком ранее его предки переселились в Чарпурсон из Вахана, но многие родственники по-прежнему проживали там).

Следующие десять лет наш герой провел, совершая постоянные высокогорные маршброски. Три или четыре раза в год он перебирался через Иршадский перевал на лошади или пешком, переправляя через границу рис, муку, сахар, чай, сигареты, растительное масло, ножи, батарейки, соль, кастрюли, сковородки, жевательный табак и другие товары, необходимые жителям изолированных районов в зимний период. Все это он менял на масло из

ячьего молока, а также пригонял обратно по горным тропам скот (в основном яков и баранов курдючной породы). Не гнушался он и контрабандой полудрагоценных камней и спиртных напитков (в основном виски), однако категорически не желал связываться с перевозкой оружия и наркотиков.

Добывать себе средства к существованию таким образом было нелегко. Иногда Сарфраз подрабатывал носильщиком с альпинистскими экспедициями, совершавшими восхождения на К2 и соседние пики. Это занятие тоже не давало существенного дохода. Однако, освоив все эти виды деятельности, он приобрел чрезвычайно ценный опыт и овладел целым рядом важных навыков. Сарфраз детально знал все горные тропы, а также маршруты следования афганских и таджикских погранотрядов, встреч с которыми ему ловко удавалось избегать. Он изучил повадки диких животных – горных козлов и баранов, на которых с большим успехом охотился. Постепенно он обзавелся целой партнерской сетью, завязав отношения с людьми из многих селений на севере Гиндукуша. Через десять лет такой жизни Сарфраз мог сносно объясняться на семи языках: урду, пенджаби, дари, бурушаски, пушту, вахи и английском.

Эти годы кочевой жизни были полны приключений: поисками себя в разных профессиях, постоянными опасными скитаниями в горах. Но в тот вечер, рассказывая мне о своей жизни, Сарфраз не слишком романтизировал собственную биографию. Он говорил о том времени как о поре неудач. По его словам, бесцельные метания из стороны в сторону и отсутствие сколь-либо значимых результатов его трудов просто лишней раз доказывали, как трудно обрести свое место в жизни любому мужчине (или женщине), хоть немного ценящему свободу и независимость. Такие люди не находят счастья ни в беднейших сельских районах, ни в перенаселенных мегаполисах Пакистана.

Я же, со своей стороны, видел особый смысл, особое предназначение в том, через что пришлось пройти моему собеседнику. Его опыт очень важен и ценен. Он скоро нам пригодится.

* * *

Время было позднее, и большая часть членов семьи Сайдуллы отправилась спать. Но когда я понял, как много Сарфраз знает о самом удаленном районе Гиндукуша, я подбросил еще сухого ячьего помета в печку и попросил нового знакомого прочитать мне «краткую лекцию» о Вахане. Какие народности его населяют? Сколько всего там жителей? Какова их политическая и религиозная принадлежность?

На это Сарфраз Хан покачал головой и сказал, что здесь все не так просто. По его сведениям, в Ваханском коридоре проживало всего пять тысяч человек, однако есть некий узкий кусок протяженностью примерно 200 километров и шириной в некоторых местах не более 20 км, где бок о бок обитало три разных племени. Каждое из них имело свой язык и традиции, отличные от соседей. Что до веры, то они принадлежали к двум разным ветвям ислама.

В восточной части Коридора кочевали киргизы, перемещавшиеся вместе со стадами от одного горного пастбища к другому на высоте более трех с половиной километров. Они были потомками кочевников, основавших Османскую империю, и говорили на одном из языков тюркской семьи. Их сосед, народ вахи, как объяснил Сарфраз, состоял в родстве с таджиками. Вахи были потомками персов, чья могущественная держава некогда находилась на территории современного Ирана. Крестьяне-вахи вели оседлую жизнь и выращивали в речных долинах ячмень, гречиху и картошку. Они никогда не забирались так высоко в горы, как киргизы. Их язык был близок к фарси, и они принадлежали к исламскому течению исмаилитов.

И наконец, на крайнем западе Ваханского коридора, где он «распахивается» и «вливается» в Бадахшан, самую северную провинцию Афганистана, обитает третья группа. Как и вахи, это племя этнически близко к таджикам, но их верования отличаются – в большинстве своем они весьма консервативные сунниты. Их языки, таджикский и дари, относятся к иранской группе и родственны фарси.

Когда Сарфраз заметил, что я пытаюсь уложить в голове и запомнить все упоминаемые им факты, он вырвал листок из блокнота и заявил, что нарисует схему, которая поможет мне во всем разобраться.

«В Афганистане, как и везде, отношения гораздо важнее, чем географические и этнографические подробности, – сказал он. – Если хочешь понять, как обстоят дела в Вахане, точное расположение деревень, рек и дорог не столь принципиально. Нужно знать, кто кому подчиняется и как люди связаны друг с другом. Стоит разобраться, в чьих руках власть, как все встает на свои места».

С этими словами он нарисовал три кружка – один в центре и два по бокам. Правый (восток) обозначал киргизов. В кружок было вписано имя «Абдул Рашид Хан». Это был вождь общины, отказавшейся участвовать в Последнем исходе в Турцию в 1982 году. Он с небольшой группой сторонников предпочел остаться в горах Малого Памира. Кружок в центре соответствовал племени вахи, а их предводителя звали Шах Исмаил Хан. Его штаб-квартирой была деревня Калаи-Пяндж в самой середине Коридора. Шах Исмаил подчинялся напрямую Ага Хану, верховному лидеру исмаилитов. В левый кружок (таджики) было вписано имя Садхар Хана, командира моджахедов, который десять лет провел в сражениях с советскими войсками и еще пять – в борьбе с талибами.

«Власть здесь перетекает с запада на восток, – заключил Сарфраз. – У таджиков больше денег, чем у вахи, а те, в свою очередь, собирают более богатые урожаи, чем киргизы».

Но при этом киргизы владеют самыми многочисленными в регионе стадами овец и яков, чью шерсть потребляет все население Вахана. Хотя Садхар Хан формально является самой влиятельной персоной, во всех гражданских делах свое слово также имеют и Шах Исмаил и Абдул Рашид. У каждого из них своя сфера влияния и каждый является своего рода главнокомандующим. Ничто в Коридоре не происходит без ведома этих трех «авторитетов». Ничто не сладится без их благословения.

Когда Сарфраз закончил рисовать эту схему, он завел разговор о том, что интересует его больше, чем все человеческие взаимоотношения: «А теперь поговорим о лошадях, – заявил он, заметно оживившись. – Потому что для жителей Вахана это важнее всего». После этого он до самой зари говорил о самом главном – красоте коней, о том, как умение управляться с ними повышает твой статус, о том, насколько значимы жестокие игры, популярные в этом регионе, – они способны продемонстрировать смелость и ловкость мужчины. Уже почти рассвело, когда он закончил свой рассказ. Перед уходом Сарфраз предложил: «Если ты действительно интересуешься Ваханом, давай я завтра отвезу тебя к Иршадскому перевалу, чтобы ты своими глазами увидел дорогу, ведущую туда». Затем он пожелал мне спокойной ночи и ушел домой.

Это была первая из долгих бесед, которые мы потом нередко вели с Сарфразом. Тогда, полагаю, он принял меня не более (но и не менее), чем за чудака американца, ищущего приключений. Ситуация сулила возможность заработать. Однако я увидел в нем энергию, энтузиазм и страсть. Такая личность могла понять наш подход к работе, предполагающий движение от периферии к центру. Наша философия была созвучна ее натуре. Также я осознавал, что передо мной гордый, неординарный, очень хорошо знающий местную специфику человек, который, похоже, относится к жизни как к нескончаемой игре в бузкаши. Короче говоря,

я распознал в нем черты, не столько схожие с моими, сколько дополняющие их. Но ни я, ни Сарфраз Хан тогда еще не понимали, как мы подходим друг другу и как нужны один другому.

Тем снежным вечером в Зуудхзане началась наша дружба, ставшая впоследствии одним из самых ценных приобретений в моей жизни.

* * *

На следующий день после того, как старейшины деревни показали мне водопровод и гидрогенератор, которые спонсировал ИЦА, мы с Сарфразом сели в его вишневый «Ленд-круизер» и поехали на север. Дорога была ужасной – покрытой смесью льда, грязи и булыжников. Мы направились к Баба Гунди Зиарат – небольшому восьмигранному святилищу на самом севере пакистанской границы.

Расстояние в 25 километров мы преодолевали целый час. Пейзаж был унылым и напоминал лунный ландшафт: голые холмы, ни единого дерева, кругом лишь огромные валуны и обломки скал. Неприятная погода соответствовала суровому облику долины Чарпурсон (в переводе с языка вахи это название означает «пустынное место») – снег сменялся ледяным дождем, который шел почти параллельно земле из-за резких порывов холодного ветра с Гиндукуша.

Когда мы подъезжали к святилищу, то заметили, как пять конных пастухов гонят стадо из примерно двадцати яков. Видимо, это были киргизы, последний раз в преддверии долгой зимы перешедшие через Иршадский перевал и пригнавшие скот на продажу.

Сарфраз был знаком с пастухами, так что мы остановились, поприветствовали друг друга, а затем расстелили прямо на мокрой земле одеяло из шерсти яков и уселись пить соленый чай. И тут из-за поворота показался отряд из четырнадцати всадников-киргизов, посланных Абдул Рашид Ханом, чтобы отыскать меня. Они с шумом приближались к нам со стороны Иршадской тропы.

Их предводитель, Рошан Хан, был старшим сыном Абдул Рашид Хана. Обменявшись с приехавшими традиционными любезностями, Сарфраз полез в багажник машины, вытащил оттуда сорок мешков муки и подарил их киргизам. Это был заранее подготовленный подарок к грядущему празднику Ид (Ид уль-фитр, он же Рамадан, или Курбан-байрам. – *Ред.*) – одному из двух самых главных в исламском календаре. После этого мы в сопровождении всадников отправились в Зуудхан.

Мы вернулись в деревню ранним вечером и остановились в доме Сарфраз Хана. Это была обычная саманная сакля. Киргизы спешили и привязали лошадей, а хозяин тем временем выбрал жирного *маи* (барана), мягким движением уложил его головой на юго-запад – в сторону Мекки, – быстро произнес благословение и полоснул ножом по горлу животного. Когда кровь стекла, жена хозяина Биби Нума сняла шкуру, разделала тушу и занялась приготовлением ужина.

Ближе к ночи около сорока человек собрались в доме Сарфраза. Они расселись в единственной комнате размером пять на шесть метров, прислонившись спиной к закопченным стенам. Киргизы уселись, скрестив ноги, в своих огромных сапогах, из-за голенищ которых они вытащили ножи, которые послужат им столовыми приборами во время трапезы.

Обычно сидеть в обуви в доме считается неприличным, но Сарфраз сделал исключение для своих гостей. Если бы киргизы сняли сапоги, их ноги быстро бы отекали – такова реакция организма на длительное путешествие по высокогорью. Через несколько часов они просто не смогли бы надеть обувь.

Почти вся баранина была сварена в огромной кастрюле, а остальное обжарили на сковороде. Самым большим деликатесом считается *думба* – разваренное курдючное сало. Его поставили на блюде в самом центре комнаты, где оно возвышалось, как желеобразный золотистый десерт. Киргизы поглотили все яства с жадностью людей, которые несколько дней питались дождевой водой и жевательным табаком. Они пригоршнями зачерпывали жир, срезали мясо с костей ножами и, причмокивая, обсасывали кости. Съедено было абсолютно все: голова, семенники, глаза. И когда пиршество окончилось, мужчины тщательно вытерли испачканные жиром руки о собственные лица, волосы, бороды.

Когда все насытились, в комнату внесли китайские термосы, наполненные зеленым чаем, а вслед за ними – миски с *араком* – перебродившим кобыльим молоком. А потом настало время готовиться ко сну. Со всей деревни в дом Сарфразы принесли одеяла, а гости вышли на улицу, чтобы умыться.

Ветер утих, и снег прекратился. Небо было чистым, и звезды сияли так ярко и так близко, что, казалось, они заливают мягким светом окружающие Зуутхан горные хребты. Любую вершину можно было рассмотреть до мельчайших подробностей.

Под звездным небом гости чистили зубы заостренными спичками или теми же ножами. В какой-то момент рядом со мной оказался Рошан Хан. Он посмотрел на небосвод, подозвал Сарфразу и попросил перевести устное послание, переданное мне его отцом.

Лично меня не пугают тяготы быта, но для наших детей такая жизнь трудна. У нас мало пищи, бедные дома, а школ вообще нет. Мы знаем, что вы строите школы в Пакистане. Не могли бы вы помочь и нам, жителям Афганистана? Мы дадим вам землю, камень, рабочих и все прочее, что потребуется. Вы можете приехать прямо сейчас и погостить у нас всю зиму. Мы будем пить чай, заколем самого большого барана, мы все обсудим и спланируем строительство школы.

Я ответил, что польщен их приглашением, но не могу ближайšie пять месяцев провести в гостях у Абдул Рашид Хана за Иршадским перевалом. Во-первых, у меня нет официального разрешения на въезд в Афганистан, а талибы, засевшие в Кабуле и формально управляющие страной, не выдают виз гражданам США. А во-вторых, и это главное, дома меня ждет беременная жена, и если я не вернусь в срок, она будет очень расстроена. Конечно, мои киргизские друзья понимают, насколько серьезными последствиями чревато недовольство женщины.

Рошан Хан с улыбкой кивнул. «Однако, – продолжал я, – как только представится возможность, я сразу приеду и постараюсь помочь со строительством школы. А пока мне необходимо собрать предварительную информацию. Может ли Абдул Рашид Хан сообщить мне хотя бы приблизительное число детей от пяти до пятнадцати лет, которые пойдут учиться?»

«Конечно, – ответил Рошан. – В ближайшее время мы пришлем вам имена всех детей школьного возраста в Вахане». Это казалось нереальным.

В районе, из которого приехали посланцы, не было ни телефона, ни факса, ни электронной почты, ни даже просто почты. Там не было нормальных дорог. Грядущая зима и надвигающиеся снегопады вскоре должны были отрезать эти места от всего остального мира на долгие месяцы.

«Каким образом они собираются передать нам эти данные? – спросил я Сарфразу. – И как предупредить Абдул Рашид Хана, когда мы соберемся ехать в Афганистан, в Ваханский коридор?» – «Не переживайте об этом, нам не понадобится никого предупреждать, – махнул рукой Сарфраз. – Вождь киргизов найдет, как передать нам весточку, и уж точно узнает о том, что мы к нему едем». Возразить на это было нечего. Я пожал плечами и поверил ему на слово.

После этого мы с Рошан Ханом совершили ритуал, с которым я впервые познакомился шестью годами ранее. Тогда Хаджи Али, стоя посреди ячменного поля в Корфе, попросил меня подтвердить мою решимость вернуться. Сейчас предводитель киргизских всадников также встал напротив меня, положил правую руку на мое левое плечо, и я сделал то же самое. «Так ты обещаешь приехать в Вахан и построить школу для наших детей?» – спросил он, глядя мне прямо в глаза. В этих краях утвердительный ответ на заданный таким образом вопрос равноценен клятве, скрепленной кровью. Я побаиваюсь таких вещей. Мои партнеры в США прекрасно знают, что организованность не входит в число моих главных достоинств. За последние годы я множество раз опаздывал на самолет, забывал о важных встречах, не исполнил столько обязательств, что уже сбился со счета. Но образование детей для меня – высшая ценность. Обещание построить школу священо, и оно будет выполнено вне зависимости от того, сколько уйдет на это времени, сколько препятствий придется преодолеть и сколько денег потратить. По тому, как человек сдерживает именно такого рода обещания, оценивается вся его жизнь.

И я ответил: «Да, я даю слово приехать и построить школу».

На заре следующего дня, около пяти утра, киргизы уехали. И лишь через долгие пять лет я увижусь с ними снова.

Глава 3 Все с нуля

Именно женщин с потухшими от слез глазами так ненавидел талибан.

Коллин Таброн. «Тень Шелкового пути»

Отряд киргизских всадников, направившихся тем октябрьским утром на север к Иршадскому перевалу, будто бы сошел со средневековой картины. Да и страна, в которую они возвращались, тоже будто бы погрузилась во мрак Средневековья. Институты гражданского общества перестали существовать, время повернуло вспять.

Десятью годами раньше Афганистан распался на части и сейчас представлял собой лоскутное одеяло из отдельных провинций, контролируемых воинственными моджахедами, некогда выдворившими советские войска с афганских территорий, а затем ввязавшихся в кровопролитную борьбу друг с другом за влияние в регионе. В начале 1990-х почти в каждом афганском городе и в каждой области царили хаос и беззаконие. На всех главных дорогах, соединявших между собой города Кета, Герат, Кабул, Джелалабад и Мазари-Шариф, было полным-полно самовольно устроенных контрольных пунктов. На них хозяйничали местные авторитеты – полевые командиры или просто банды молодчиков, вооруженных автоматами Калашникова и требовавших плату со всех проезжающих. В таких городах, как Торхам и Кандагар, процветала торговля людьми: молодых мальчишек и девчонок похищали и заставляли работать на новых хозяев, а нередко и насиловали. Бандиты принуждали торговцев обслуживать их бесплатно. Грабежи, погромы и убийства совершались на каждом шагу. Безвластие и произвол преступных группировок породили в обществе панику, всеобщее недоверие и тревогу, провоцировали массовые беспорядки.

В октябре 1994 года около двух сотен молодых людей, многие из которых выросли в страшной бедности в лагерях беженцев, расположенных в окрестностях пакистанского Пешавара, решили объединить свои силы и объявили о намерении вести новый джихад. Большинство из них обучались в экстремистских медресе – религиозных школах, поддерживаемых спонсорами из Саудовской Аравии или правительством Пакистана. В медресе преподавали радикальную исламистскую идеологию. Сторонники нового движения назвали себя *талибан*, что означало на языке пушту «ученики ислама» (точнее, от арабского طالبان (taliban) – «студенты». – *Ред.*). Они перешли пакистано-афганскую границу и проникли в городок Спин Болдак – место, где останавливались на отдых фуры дальнобойщиков. Пришельцы заявили, что стремятся достичь праведности, а также восстановить в стране стабильность и объединить ее под знаменем «истинного исламского порядка». Талибы носили черные тюрбаны, размахивали белыми флагами и присягали на верность некому Мулле Омару. Этот одноглазый таинственный пуштун, мало появлявшийся на публике, обосновался в Кандагаре. По слухам, он опрыскивал себя благовониями, сделанными по рецепту самого пророка Мухаммеда. В течение нескольких дней движение быстро рослось, пополнилось новыми рекрутами, так что ряды талибов насчитывали уже более двадцати тысяч бойцов. Влиятельное и хорошо оснащенное разведывательное ведомство Пакистана снабдило их оружием, обмундированием и высокотехнологичными средствами связи, так что они смогли одержать несколько впечатляющих побед над моджахедами. Через месяц талибы взяли штурмом Кандагар и захватили аэропорт, получив в свое распоряжение шесть истребителей «МиГ-21» и четыре транспортных вертолета «Ми-17». К следующему сентябрю мотоколонны из японских пикапов с пулеметами в кузове ворвались в город Герат у западных границ страны, а еще через год талибы взяли Джелалабад и саму столицу, Кабул.

Они захватили афганского коммунистического лидера Мохаммада Наджибуллу во дворце, оскопили его прямо в его собственной спальне, привязали к джипу и много раз протащили его тело по дворцовой территории, а затем подвесили к светофору – на всеобщее обозрение.

К концу 1996 г. талибан контролировал более чем две трети территории страны. Талибы установили драконовский режим, который представлял собой невероятную смесь садизма и граничащей с безумием глупости. Новая власть выпускала одно абсурдное постановление за другим: людям запрещалось слушать музыку, играть в карты, прилюдно смеяться и запускать воздушных змеев. Под запрет попали декоративные статуэтки и сигареты, гадание и стрижки в американском стиле, особенно почему-то те, что копировали образ Леонардо Ди Каприо в фильме «Титаник».

Все эти реформы диктовались узколобыми сотрудниками «министерства поощрения добродетели и предотвращения порока». Они патрулировали улицы, сидя в кузове пикапов и вооружившись «АК-47» или самодельными плетками. В своем рвении установить порядок и привить всем «высокую» мораль талибы дошли до такой крайности, что единственным разрешенным развлечением для народа осталось посещение публичных казней, во время которых преступников побивали камнями на футбольных стадионах или вешали прямо на фонарных столбах. В столичном городе, некогда славившемся трелями соловьев, пением дроздов и воркованием голубей, гражданам запрещалось держать птиц; тех, кто осмелился ослушаться, сажали в тюрьму, а пернатых питомцев изымали и убивали.

Кроме всего прочего, талибы ревностно выступили против того, что они называют арабским словом *бид'ах* – это понятие обобщает все явления, которые могут отвлечь человека от Корана. Они перекрыли людям всякую связь с внешним миром, преследовали тех, кто смотрит кино и видеофильмы, давили телевизоры и аудиокассеты танками прямо на улицах, а также заявляли, что всякий, кого заметят с книгой «неисламского» содержания в руках, будет казнен.

«Министерство поощрения добродетели и предотвращения порока» запретило любые развлечения, сжигало книги и сажало в тюрьму тех, кто разводил певчих птиц.

Разумеется, подобный режим задушил всю социальную и культурную жизнь Афганистана. Были уничтожены почти все памятники скульптуры, хранившиеся в Национальном музее, одном из крупнейших мировых собраний искусства Центральной Азии. Шедевры разбивали молотками и палками, потому что талибы считали, что изображение живых существ ведет к идолопоклонству. По тем же причинам они взорвали гигантские статуи Будд в провинции Бамиан. Эти колоссы были вырублены в скале в III–V веках н. э. В президентском дворце в Кабуле головы всех изображенных на шелковой обивке стен павлинов замазали белой краской, а обрамляющие вход в здание каменные львы были обезглавлены.

В конце 1990-х этот кошмарный режим дал трещину. Он начал загнивать изнутри, потому что извращенным оказалось то, что, казалось, было для талибов священным – сам дух ислама. Ведь ислам – это не просто определенный набор верований, порожденных словами пророка Мухаммеда и вдохновленных главным постулатом – необходимостью абсолютного послушания воле Аллаха. Ислам – это еще и основа многоликой и многогранной культуры, создаваемой сообществом верующих мусульман. Эта культура включает не только богословие, но и философию, науку, искусства, мистические учения. В моменты, когда исламская цивилизация достигала вершин совершенства и полноты самореализации, это происходило не в последнюю очередь благодаря тому, что правители были терпимы и открыты всему новому. Они позволяли обществу духовно обогащаться, уважая не только проявления божественного, но и плоды человеческого гения. Последовательно уничтожая

подобную традицию, Талибан, как и многие другие современные исламские фундаменталистские течения, забыл о данном Кораном завете – построить справедливое и равноправное общество, где власть имущие несут прямую ответственность за благосостояние всех граждан.

Талибы извратили и грубо нарушили множество глубоких и важных принципов ислама. Но мало что может быть страшнее тех преступлений, которые они совершили против своих сестер, дочерей, матерей и жен.

* * *

В начале 1970-х годов женщины в афганских городах пользовались большой свободой и независимостью. Правила, регламентирующие их жизнь, были достаточно либеральны при условии, что Афганистан все же оставался довольно консервативной исламской страной. По данным Американско-афганского женского совета, многие жившие в Кабуле представительницы прекрасного пола сами зарабатывали себе на жизнь: они были заняты в медицине, юриспруденции, журналистике, строительстве и других сферах экономики. В сельских районах, конечно, у женщин было меньше возможностей для получения образования и выбора профессии по душе, но в столице запросто можно было увидеть не закрывавших лиц девушек, работавших на фабриках или в офисах. С открытыми лицами выступали и ведущие телевизионных новостей. На улицах встречались дамы на каблуках, одетые примерно так же, как обитательницы Восточной Европы.

В первую же неделю после взятия Кабула талибы лишили женщин всех этих радостей. Им приказали хранить вечное молчание и сидеть тихо. Во всех крупных городах страны женщинам было предписано выходить из дома только в сопровождении близкого родственника мужского пола и при этом закутываться в темно-синее покрывало. Тем, кто все же осмеливался появиться на улице, запрещалось покупать товары у торговцев-мужчин, пожимать руку мужчинам и вообще разговаривать с представителями противоположного пола в общественном месте. Нельзя было носить туфли, каблуки которых издавали хоть какой-то стук.

Девушку, приоткрывшую голень, наказывали поркой, а покрасившей ногти могли отрубить кончики пальцев.

Женщинам не разрешалось заниматься спортом. Им нельзя было стирать белье в реке там, где их могли увидеть посторонние. Нельзя было даже выходить на балкон собственного дома. Названия городов и улиц, так или иначе связанные с особами женского пола, срочно должны были быть сменены.

Со временем новая власть вошла во вкус и, продолжая ограничивать свободу, докатилась до абсурдных противоречий. Например, заболевшие женщины могли пользоваться услугами только врача женского пола. Но при этом в первые же дни правления талибов всем врачам-женщинам было предписано не покидать своих домов. Вот и получилось, что почти половина всего населения потеряла доступ к какой-либо медицинской помощи. Кроме того, новые правила оставили без средств к существованию живущих в столице вдов, потерявших мужей на войне. У многих из них вообще не было родственников мужского пола. По данным Агентства США по международному развитию, таких несчастных насчитывалось пятьдесят тысяч. Они могли прокормиться лишь нищенством, воровством или проституцией. Но эти виды «деятельности» также нарушали закон и карались различными видами экзекуции от порки и ампутации конечностей до смертной казни – побивания камнями. Вид наказания выбирала религиозная полиция.

Понятно, что талибы ополчились и на женское образование. С тех пор как они взяли Кабул, все школы для девочек и университеты, где могли учиться представительницы слабого пола, были немедленно закрыты. Обучение девочек грамоте было объявлено вне закона. Только в столице «не у дел» осталось 106256 учениц начальных классов и 8000 студенток вузов, а 7793 женщины-учителя в момент лишились рабочих мест.

Для пущего устрашения «стражи добродетели и борцы с пороком» стали носить с собой плетки, сделанные из резины от велосипедных шин, – они были специально предназначены для порки девочек, которые решались все же пойти в школу.

Учителя, который осмеливался преподавать школьницам, надлежало наказать, причем нередко прямо на глазах у учениц.

Но, несмотря на столь деспотичные меры подавления всякой свободы, небольшая группа женщин решила организовать подпольную службу, обеспечивающую альтернативную медицинскую помощь, доступ к учебе и к общению с внешним миром. Многие западные организации, в том числе британское министерство международного развития, группа «Спасите детей» и Шведский комитет помощи Афганистану оказывали содействие храбрым афганкам в создании нелегальных школ в домах, официальных учреждениях и даже в пещерах. В 1999 году около 35 тысяч девочек по всей стране проходили домашнее обучение. Правда, это не могло спасти большинство женщин от социальной изоляции и тягот ограниченного четырехмя стенами существования, негативно влиявшего на их психику. В 1998 году организация «Врачи за права человека» провела опрос афганских женщин с целью определить их общее состояние здоровья. Это исследование выявило тревожные тенденции. У 42 % респонденток были обнаружены симптомы посттравматического стресса, у 97 % проявились признаки серьезной депрессии, а 21 % признались, что мысли о суициде посещают их «довольно часто» или «очень часто».

В общем, установившийся режим можно назвать теократией, навязанной народу религиозными фанатиками. Конечно, в таких условиях сама идея, что некий бывший альпинист из Монтаны приедет в Афганистан и займется строительством школ и образованием девочек, казалась безумной. Однако к лету 2001-го позиции талибов пошатнулись, и было ясно, что у этой власти нет будущего.

Несколькими годами ранее в страну приехал Усама бен Ладен, которого к тому времени уже выслали из родной Саудовской Аравии, а также изгнали вместе с женами, детьми и ближайшими приспешниками из его второй штаб-квартиры, находившейся в Судане. Но руководство движения талибан с одобрения правительства Пакистана разрешило ему обосноваться в Афганистане, где Усама продолжал готовить финансируемые им террористические операции, в частности взрыв посольств США в Кении и Танзании в 1998 году. По данным Госдепартамента США, во время этих терактов погибло более 230 и было ранено более 4000 человек.

Хотя террористическая деятельность бен Ладена сильно беспокоила афганские власти, они все же отвечали отказом на неоднократные требования правительства Соединенных Штатов выслать его из страны или предать суду. Талибы прямо и без обиняков заявляли: «Бен Ладен – наш брат-мусульманин. Он вместе с нами воевал против советских войск, и передать его американцам или любым другим его врагам значило бы нарушить пуштунские законы гостеприимства, *ненаватай*». Согласно этим правилам, хозяева обязаны предоставить убежище и защиту гостю.

Таково было положение вещей к сентябрю 2001 года.

В этот момент я снова приехал в Зуудхан – родную деревню Сарфраз Хана, находящуюся в западной части долины Чарпурсон. На этот раз я собирался познакомиться с работой женского досугового центра, который мы недавно здесь открыли. Во вторую ночь своего пребывания в деревне я лег спать очень поздно, около трех часов ночи – засиделся за разговором с местными старейшинами. Сарфарз, по своему обыкновению, в это время еще не спал, а все крутил ручку маленького советского коротковолнового радиоприемника, пытаясь поймать любимую им уйгурскую музыку, которую передавали из китайского города Кашгар. Но вместо музыки радиоволны принесли тревожные вести о страшных взрывах, только что прогремевших на другом конце света. Примерно в 4.30 меня растолкал Фейсал Байг и сообщил: «Прости, но я должен тебя разбудить. Деревню Нью-Йорк только что бомбили!» – взволнованно сообщил он.

* * *

Американский ответ на террористические атаки, разрушившие Всемирный торговый центр и слегка задевшие Пентагон, был молниеносным и жестким. Операция «Несокрушимая свобода», начавшаяся 7 октября, включала массированные авиабомбардировки и наземные действия. В авангарде выступали представители наскоро сколоченной коалиции североафганских моджахедов, которых поддерживала группа из нескольких сотен американских военных – агентов ЦРУ и бойцов спецназа. К 12 ноября Северный альянс захватил уже почти всю территорию, ранее подконтрольную талибам, и взял Кабул. А месяцем позже бойцы Талибана покинули свой последний опорный пункт, Кандагар – город на юге Афганистана, откуда они когда-то начали свое победное шествие по стране. Лидеры движения рассеялись и затаились, а рядовые его члены вернулись в свои деревни и занялись привычным крестьянским трудом или перебрались через границу, чтобы найти убежище в глухих горных районах Пакистана. Некогда мощное течение бородатых поборников чистого ислама и учеников из радикальных медресе, покорившее почти весь Афганистан за исключением узкой полоски на севере, исчезло так же быстро, как и появилось. И уже во вторую декаду декабря 2001 года я наконец смог впервые отправиться в Кабул.

Из Пакистана в афганскую столицу ведет западное ответвление «Большой дороги» длиной в 2500 километров. Это одна из самых длинных и одна из старейших магистралей в Южной Азии: первое упоминание о ней относится еще к временам империи Маурьев, основанной в 322 году до н. э. Изначально она существовала не как единая дорога, а как несколько торговых маршрутов, соединявших Бенгальский залив и нынешнюю территорию Пакистана с Афганистаном и Персидской империей. Со временем десятки сменявших друг друга государств двигали по этому пути свои армии, в составе которых были пешие воины, кавалерия, боевые слоны, а затем и танковые дивизии.

Мы с водителем Сулейманом Минасом начали свое путешествие, проехав западные пригороды Пешавара и миновав КПП с табличкой двадцатилетней давности, гласившей: «Иностранцам проезд за пределы этого пункта запрещен». Отсюда путь лежит через горы Сафед-Кох. Узкая горная дорога требует от шофера предельного внимания и мастерства: здесь сложно избежать столкновения со встречными или следующими позади автомобилями (некоторые местные жители называют этот участок «Большой дороги» путем смертников, потому что в этих местах огромное количество машин разбилось или подверглось нападению членов бандформирований). Далее дорога проходит через городок Ланди-Котал. Местная достопримечательность – базар с самым разнообразным контрабандным товаром – от шин и телевизоров до героина.

Мы проехали кладбище колониальных времен, где похоронены сотни британских солдат, погибших во время Второй (1879–1890 гг.) и Третьей (1898–1919 гг.) афганских войн. Эти могилы символически напоминают путнику о печальной судьбе всякой иностранной армии, которая когда-либо пыталась проникнуть в Афганистан и завоевать его.

Затем дорога круто спустилась вниз к афганской границе. На этом узком наклонном участке многочисленные тяжело груженные грузовики до предела снижают обороты двигателя, проходя на самом тихом ходу вдоль ржаво-красных каменных стен легендарного Хайберского прохода. Эти места видели армии Александра Великого, Чингисхана, персидских воинов, войска Великих Моголов и английских солдат. От Хайберского прохода всего пять километров до афганской границы, а сразу за ней нас встретил город Торхам.

В декабре 2001 года сюда хлынул поток из тысяч афганских беженцев: одни стремились вернуться на родину, а другие, наоборот, направлялись в Пакистан. Так, мужчина с всклокоченной бородой рассказал мне, что бежит из Афганистана из-за американских бомбардировок, а женщина с несколькими детьми на руках поведала, что ее дом и землю захватили чужие люди и ей просто некуда податься. Сам пограничный пункт представлял собой огороженный круг под открытым небом, входы в который с двух сторон преграждали массивные металлические ворота. С пакистанской стороны к нему примыкало здание иммиграционной службы с десятками комнат, а с афганской была лишь одна маленькая каморка – стол, стул и сидящий на нем вежливый чиновник, который после беглого взгляда на меня бойко проштамповал мой паспорт, а затем сказал с широкой улыбкой: «Добро пожаловать в Афганистан! Не хотите ли чаю?»

Я попытался вежливо отказаться, но он настоял. Чиновник приоткрыл заднюю дверь, что-то в нее прокричал, и вскоре мальчик принес две маленькие чашки с дымящимся зеленым чаем. После того как я поблагодарил его за гостеприимство и распрощался, мы миновали еще один КПП и наконец въехали в Афганистан. Вдоль дороги почти на полтора километра тянулся длинный ряд грузовых контейнеров. Их стенки были изрешечены пулями. Здесь торговали телевизорами, воздушными змеями, аудиокассетами и множеством других вещей, запрещенных во время правления талибов. Теперь у предпринимателей появилась возможность снова продавать все эти товары.

За этим импровизированным супермаркетом открывался вид, живо напоминающий о том, что на этой земле более двадцати лет шли непрекращающиеся войны. На обочинах «Большой дороги» и на всех соседних холмах валялись останки танков, артиллерийских установок, перевернутые БТРы. Среди этого кладбища техники я даже кое-где заметил ржавые вертолеты. Они напоминали переломанные скелеты мертвых птиц.

* * *

Двенадцатью часами позже мы добрались до столицы. Там царил полная разруха. В Кабуле зимой 2002 года все надо было начинать с нуля.

На каждом шагу встречались напоминания об ужасах и страданиях, принесенных войной: запуганные и затаившиеся люди, разрушенная инфраструктура, кругом серые развалины того, что некогда было архитектурой.

Частично уцелевшие фасады испещрены ранами от гранат и снарядов. После двух десятилетий постоянных вооруженных конфликтов город выглядел одряхлевшим, больным и растерянным. Кажется, будто он перенес тяжелый недуг и едва выжил. Среди хаоса пра-

вительственные организации продолжали кое-как функционировать: на развалинах министерств и ведомств устанавливали тенты и палатки, где заседали чиновники.

Проезжая мимо аэропорта, я заметил обломки самолетов прямо у взлетно-посадочной полосы. Бригада рабочих расчищала полосу с помощью бульдозеров. Национальная авиакомпания «Ариана» потерпела колоссальный урон: американские бомбардировки три месяца назад вывели из строя шесть и без того не новых самолетов. В рабочем состоянии остался только один «Боинг-727». Впоследствии я узнал, что пилоты и стюардессы, совершавшие полеты в Дели и Дубай, были вынуждены ночевать прямо в салоне воздушного судна, потому что денег на гостиницу для экипажа не было. Механики оценивали предполетное состояние самолета на глаз, вычисляя равновесие и перегрузку с помощью логарифмической линейки. Каждый раз на борт надо было брать пачку наличных денег, чтобы в аэропорту назначения расплатиться за топливо.

Наконец я добрался до полуобвалившегося здания на улице Багх-и-Бала. Это был так называемый отель «Мир». На дворе была зима, шел снег, а в гостинице не было ни отопления, ни электричества, ни воды. Убогая обстановка напомнила мне глухие горные пакистанские деревни. Но ведь я находился в большом городе с населением в полтора миллиона человек! Первую ночь я провел, прислушиваясь к автоматным очередям, то и дело раздававшимся с разных сторон. В промежутках между ними в округе повисала напряженная тишина, лишь иногда нарушаемая собачьим лаем.

Следующие несколько дней я ездил по городу с таксистом по имени Абдулла Рахман. Взрыв противопехотной мины начисто сжег ему веки, а сильнейшие ожоги руки не позволяли как следует сжать руль. Когда-то Абдулла работал сторожем – охранял три запертых книжных шкафа в библиотеке военного госпиталя. Каждое утро он вместе с шестью библиотекарями приходил на рабочее место, отмечался в журнале, отсиживал примерно час за столом, а затем с разрешения начальника уходил домой. В течение двенадцати лет шесть дней в неделю он нес эту «службу», за которую получал один доллар двадцать центов в месяц. Абдулла рассказал, что в библиотеку заглядывал в среднем один посетитель в неделю.

В течение десяти дней мы с ним колесили по Кабулу, пытаясь оценить масштабы ущерба, который понесла столичная система образования. Предполагалось, что ближайшей весной дети снова пойдут учиться, однако из 159 школ лишь несколько были готовы принять учащихся, да и в тех условия оставляли желать лучшего. Некоторые здания находились под угрозой обрушения, поэтому занятия должны были проводиться на улице или в металлических контейнерах. Кое-где в школах были разрушены лестницы, и вместо них наскоро возведены другие – это были крутые «трапы» из разномастных бревен без перил. По ним дети должны были забираться, чтобы попасть в классы.

Ближе к концу своего пребывания в столице я встретился с Ашрафом Гхани, министром финансов Афганистана и личным советником Хамида Карзая, который вскоре возглавил переходную администрацию. Доктор Гхани когда-то изучал антропологию в Колумбийском университете, а затем сделал весьма успешную карьеру во Всемирном банке. Однако после 11 сентября он решил бросить все и вернуться в Афганистан, чтобы помочь своей стране встать на ноги.

Во время этой встречи министр сообщил мне, что в страну поступило менее четверти тех денег, которые президент Джордж Буш-младший обещал передать на восстановление инфраструктуры. А из тех средств, что пришли, пояснил мне Гхани, 680 миллионов долларов были «перенаправлены» на строительство дорог и подготовку военных баз в Бахрейне, Кувейте и Катаре в преддверии вторжения в Ирак. По сравнению с Боснией, Восточным

Тимором и Руандой Афганистан на тот момент получал в пересчете на душу населения лишь треть «подъемных» инвестиций. И только половина этих денег шла на долгосрочные проекты, например образовательные. Кроме того, на распределении западной помощи активно пытались нажиться бюрократы и коррупционеры всех мастей.

Услышанное потрясло меня, но на самом деле ситуация оказалась еще плачевней. Значительная часть средств, выделенных США на развитие страны, оседала в карманах американских строительных компаний. Они платили афганским строителям, работавшим на восстановлении школ и больниц, по 5–10 долларов в день, в то время как по накладным каждое здание обходилось в четверть миллиона. Проблемой было также и то, что та скудная западная материальная поддержка, которая все же доходила до афганских граждан, не проникала дальше Кабула. За его пределами в сельских районах, где разруха и бедность были еще более страшными, никто никаких денег и в глаза не видел, хотя люди в них отчаянно нуждались. В 30 километрах от столичных пригородов фактически царило безвластие. Но доктор Гхани решал более глобальные проблемы, и до того, чтобы налаживать быт в провинциях, у него просто не доходили руки.

«Посмотрите, в Кабуле хаос, – воскликнул он. – У многих просто нет крыши над головой, что уж говорить об электричестве, продуктах питания, системах связи, канализации и воде. В деревнях у людей хотя бы есть земля, с которой они могут собирать урожай. Они могут пить воду из реки, поставить палатку в любом месте или даже спать под открытым небом. У них есть скот, или они могут охотиться, добывая хоть какое-то пропитание».

Он потянулся за черной записной книжкой. «Вам стоит начать работу именно здесь, в городе, – продолжал министр, проводя пальцем по списку контактных лиц. – Я знаю хороших строителей, которые помогут вам».

Очень заманчиво было заняться проектами в Кабуле, посвятив именно этому свои силы и потратив в этом городе те ограниченные средства, которыми располагал ИЦА. Столица Афганистана в руинах, и на налаживание образования для девочек может уйти пара десятилетий. Это достойная задача, но проблема в том, что я уже дал слово киргизам. Для того чтобы сдержать его, мне надо было как-то обойти Кабул и отправиться дальше, в Вахан.

«Извините, – сказал я своему собеседнику, – но мы хотим помочь людям в отдаленных областях страны, создавая школы там, где их раньше вообще никогда не было».

«Что ж, как знаете, молодой человек, – Гхани был явно разочарован. – Только имейте в виду, что уж в школах люди в глубинке нуждаются в последнюю очередь».

«Спасибо за информацию, – ответил я. – Но мне все же нужно ехать на север».

Глава 4

Звуки мира

Путешествие по Афганистану напоминало блуждание среди призраков разбитых вещей.

Кристиана Лэм. «Круги, прошитые на сердце»

Когда мы впервые встретились с киргизами осенью 1999 года, я сказал им, что мне нужно узнать приблизительное число детей школьного возраста, живущих в восточной части Ваханского коридора. Годом позже из-за Иршадского перевала приехали торговцы, которые доставили Сарфраз Хану в Зуудхан несколько десятков пожелтевших тетрадных страниц, сложенных между двумя листами картона и бережно завернутых в фиолетовую бархатную ткань. В них содержалась, наверное, первая перепись населения Малого Памира: каждое хозяйство было внесено в аккуратно записанный синей шариковой ручкой реестр. Согласно этому документу, общее число киргизских кочевников составляло 1942 человека, а детей до 19 лет оказалось больше 900 человек. У этих ребят не было никакого доступа к образованию, а семьи, в которых они жили, постоянно перемещались по району площадью около двух с половиной тысяч квадратных километров. Западнее, вдоль берегов реки Амударья (так у автора. Имеется в виду р. Вахан – приток Амударьи второго порядка. – *Ред.*), разделяющей афганские и бывшие советские территории, в двадцати восьми деревнях проживало более шестисот крестьян, принадлежащих к племени вахи. Услышав о нашей договоренности с киргизами, они тоже захотели построить у себя школы.

Когда Сарфраз показал мне этот список, я поразился не только тому, как точно и тщательно была собрана информация, но и количеству детей, которые, как выяснилось, ждут нашей помощи. К этому времени мне стало окончательно ясно, что Сарфраз, который за многие годы исколесил весь Ваханский коридор и досконально знал его, является идеальной кандидатурой для работы в качестве представителя ИЦА и координатора наших проектов в этом регионе.

Поэтому я предложил ему должность директора по проектам в наиболее удаленных районах с зарплатой в две тысячи долларов в год. Я объяснил, что ему предстоит отвечать за организацию наших предприятий в самых глухих уголках страны. В его обязанности будет входить работа на всех уровнях – от чаепитий со старейшинами деревни до найма каменщиков и плотников для строительства. Сарфраз с энтузиазмом согласился на это предложение, заявив, что наконец нашел для себя занятие, от которого «будет толк».

«Но если мы хотим начать работать в Вахане, – спросил я его, – как нам решить, где именно строить школы?»

Сарфраз – он всегда опережал меня на один шаг – тут же вытащил еще один лист бумаги с перечисленными на нем восемью потенциальными местами для строительства. Я слышал о таких населенных пунктах, как Лангхар, Бозаи-Гумбаз и Гозкхон, но о пяти других узнал впервые. Затем он развернул карту северного Афганистана и стал водить по ней указательным пальцем.

«Мы будем строить здесь, здесь, здесь, здесь, – восклицал он. – А когда здания будут возведены, сюда придут дети!»

Похоже, Сарфраз был сразу готов взяться за дело. Правда, он сообщил мне, что есть две проблемы. Первая состояла в том, что для начала деятельности в Вахане нам необходимо было заручиться одобрением и поддержкой «важных лиц», контролировавших эту область.

Нужно разузнать, как добраться из Кабула до самых северных районов страны, а дальше отправиться туда и начать строить отношения с местными «авторитетами».

Вторая проблема заключалась в том, что у Сарфразы еще не было загранпаспорта. А это значило, что начинать предприятие придется мне в одиночку.

* * *

Северная провинция Бадахшан, отделенная от остального Афганистана мощными отрогами Гиндукуша, всегда жила особой, независимой жизнью. Между Кабулом и Бадахшаном простирается безжизненная рыжая равнина, доходящая до юга страны и ведущая к Памирскому узлу – стране самых высоких пиков, где сходятся Гималаи и Каракорум. Они образуют труднопреодолимый природный барьер, из-за которого для жителей этого района Кабул оказывается более далеким и чужим, чем более удаленные географически Бухара, Самарканд и Бишкек. С соседними Таджикистаном и Узбекистаном здесь давно сложились тесные культурные и исторические связи.

В Бадахшане путешественника поражает фантастическая красота природы и ужасающая бедность населения. В давние времена тут проходили торговые пути, связывавшие между собой важные в политическом и экономическом отношении макрорегионы – Китай, Индию и Центральную Азию. Именно благодаря этим магистралям мир узнал об одном из главных богатств этой провинции. Уже более шести тысяч лет в рудниках Сари-Санг в 65 километрах от Панджшерской долины добывают лазурит, полудрагоценный камень яркосинего цвета. Из него была сделана одна из погребальных масок древнеегипетского фараона Тутанхамона, из него вырезались государственные печати ассирийских и вавилонских чиновников, его использовали европейские художники эпохи Возрождения (венетианцы размалывали камень в порошок и получали краску, которую называли «ультрамарин»). В древности ляпис-лазурь добывали так: зажигали костры в туннелях, а потом обкладывали разогретую породу льдом, чтобы от разницы температур она дала трещины. В последние годы полевые командиры, под чьим контролем находились рудники, предпочитали использовать динамит.

До недавнего времени единственным помимо лазурита источником дохода для жителей Бадахшана был опиум. Само местоположение и климат этого района просто идеальны для выращивания мака: подходящая почва, солнечные склоны холмов, много ясных дней и умеренное количество дождей. Провинция находится прямо в середине «героинового пути», по которому опиум-сырец доставляется на север – в Таджикистан, а оттуда в Ташкент, Москву и дальше.

Как и во многих других дальних уголках Афганистана, политическая и экономическая власть в Бадахшане традиционно находится в руках *командханов*, лидеров местных военных группировок. Во многом они заменяют государственных чиновников, выполняя те же функции: обеспечивают безопасность, предоставляют микрокредиты на развитие бизнеса, поддерживают в порядке дороги, строят колодцы, разбирают, подобно судьям, споры и претензии, поддерживают образование и, конечно, собирают налоги. Именно эти люди некогда возглавляли отряды моджахедов, воевавших против Советской армии с самого момента ее вторжения в страну из Узбекистана и Таджикистана зимой 1979 года. Но не успели полевые командиры отстоять независимость, как им пришлось снова браться за оружие, чтобы дать отпор талибам, которые захватили почти всю страну в середине 1990-х.

В 2002-м власть в стране перешла к Хамиду Карзаю, ставшему главой переходной администрации, однако статус властителей провинций мало изменился. Ни новое бизнес-предприятие, ни свадьба, ни переговоры с внешним миром не проходят в городах и деревнях, на горных склонах или в долинах без ведома и участия *командханов*.

В последние пять лет правителем восточного Бадахшана был моджахед по имени Садхар Хан – человек с острым умом, тактическим чутьем выпускника Вест-Пойнта (военная академия США. – *Ред.*) и душой поэта. Он родился в маленьком селении у входа в Ваханский коридор и мечтал стать ученым-историком. Но эти планы пришлось забросить, когда советские солдаты вторглись в страну. Тогда все способные держать оружие мужчины и юноши в радиусе полутора сотен километров от Бахарака отправились в ближайшие горы и сформировали повстанческие отряды.

Быстроту реакции и хитрость Садхара быстро заметили командиры: группы под его руководством стали все чаще отправлять в опасные рейды в глубь вражеской территории. Таким образом ему удалось отличиться в боях, и он быстро занял место помощника Ахмад Шаха Масуда, знаменитого Панджшерского льва, который был, вероятно, самым одаренным и самым грозным из командиров, боровшихся против иностранной оккупации. На войне Садхар Хан не только проявил себя как способный военачальник и стратег, но и продемонстрировал другие свойства характера – он бывал жесток и беспощаден.

В северо-восточном районе Бадахшана его власть была абсолютной. Жил он недалеко от Бахарака, города с населением 28 тысяч человек. В этом месте сходились дороги из центра провинции, Файзабада, и из северной части Панджшерской долины. Из Бахарака вела также третья трасса – единственная автомобильная магистраль, ведущая в Вахан. Благодаря контролю над ней Садхар Хан мог легко управлять всем, что происходит в Коридоре.

«Прежде чем что-либо предпринять, ты должен обязательно приехать в Бахарак и поговорить с Садхар Ханом, – посоветовал Сарфраз. – Он – *чаби*». Сарфраз повернул руку, показывая, что это – ключ.

* * *

Когда двигаешься на северо-восток от афганской столицы, путь проходит исключительно по горным серпантинам, находящимся на высоте более трех тысяч метров и потому заваленным сугробами в течение шести месяцев в году. Однако в 1960 году советские инженеры прорубили под перевалом Саланг туннель длиной пять километров. Так появилась возможность круглогодичного сообщения между Кабулом и Бадахшаном. К туннелю ведет извилистая дорога, по которой проходили советские войска. Здесь им часто устраивали засады отряды моджахедов: они славились тем, что ловко разбирали грузовики, артиллерийские установки и даже танки и переносили их по частям через горы в Панджшерскую долину. Весной 2003 года я направился в сторону Саланга на арендованном «уазике», за рулем которого был Абдулла Рахман, бывший работник библиотеки, а ныне таксист с обожженными руками и веками. Так началось мое первое путешествие в Бахарак.

Впоследствии я часто вспоминал подробности той поездки на север и понял, что все вместе они складывались в некую метафору, предсказывающую, во что превратится наше будущее «афганское приключение». Проезжая по туннелю, мы в какой-то момент оказались в таком густом облаке пыли и газов, что пришлось остановиться и вылезти из машины. В поисках выхода я пошел вперед по одному из ответвлений туннеля и попал на плато с торчащими в разных местах ярко-красными скалами.

Пройдя несколько метров, я вдруг понял, что вокруг вся земля начинена противопехотными минами.

Осторожно ступая, я ретировался к машине. Через некоторое время мы с Абдуллой все же нашли правильную дорогу и продолжили путешествие. Но и дальше все складывалось неблагоприятно – мы попали под перекрестный огонь, который вели две группировки наркоторговцев. Пришлось укрыться в придорожной яме. Тогда я сказал Абдулле, что вместе ехать опасно, запрыгнул в кузов грузовика и спрятался там под горой вонючих шкур – их везли на дубильную фабрику.

В конце концов я добрался до Бахарака, но с Садхар Ханом так и не встретился. Через некоторое время дела заставили меня покинуть город, вернуться в Кабул, а затем и улететь в Америку. Но по прошествии нескольких месяцев я снова проделал тот же путь. Прибыв в Бахарак, я немедленно отправился на поиски *командхана*. Как-то, стоя посреди базара, я увидел белый джип, в котором сидело несколько вооруженных людей. Он ехал прямо мне навстречу. Я махнул рукой, попросив водителя остановиться, и при этом подумал: «Тот, кто владеет в этих краях такой машиной, должен, вероятно, знать Садхар Хана».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.